



ЛУИ-АДОЛЬФ ТЪЕР

ИМПЕРИЯ

Луи-Адольф Тьер
Империя. Том 2

«Издательство Захаров»

1846–1850

УДК 82-94
ББК 82(3)Фр

Тьер Л.

Империя. Том 2 / Л. Тьер — «Издательство Захаров», 1846–1850

ISBN 978-5-8159-1224-3

Луи-Адольф Тьер (1797–1877) – политик, премьер-министр во время Июльской монархии, первый президент Третьей республики, историк, писатель – полвека связывают историю Франции с этим именем. Автор фундаментальных исследований «История Французской революции» и «История Консульства и Империи». Эти исследования являются уникальными источниками, так как написаны «по горячим следам» и основаны на оригинальных архивных материалах, к которым Тьер имел доступ в силу своих высоких государственных должностей. Оба труда представляют собой очень подробную историю Французской революции и эпохи Наполеона I и по сей день цитируются и русскими и европейскими историками. Тем более удивительно, что в полном виде «История Консульства и Империи» в России никогда не издавалась. В 1846–1849 годах вышли только первые четыре тома – «Консульство», которое «Захаров» переиздало в новой литературной редакции в 2012 году. Вторая часть – «Империя» – так и не была издана! «Захаров» предлагает вам впервые на русском языке (с некоторыми сокращениями) – через полтора века после издания во Франции! – это захватывающее чтение в замечательном переводе Ольги Вайнер.

УДК 82-94
ББК 82(3)Фр

ISBN 978-5-8159-1224-3

© Тьер Л., 1846–1850

© Издательство Захаров, 1846–1850

Содержание

Х	7
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Луи-Адольф Тьер

Империя. Том 2

© Ольга Вайнер, 2014

© «Захаров», 2014

X Фонтенбло

Тильзитский мир вызвал во Франции всеобщую глубокую радость. С победителем Аустерлица, Йены, Фридрихсханда перестали бояться войны; однако после Эйлау многие испытали недолгую тревогу. К тому же тайный инстинкт говорил – внятно некоторым и смутно всем, – что на этом пути, как и на всяком ином, нужно уметь вовремя остановиться, что после успехов могут прийти неудачи. Дела человека имеют предел, который не следует переступать, и все чувствовали, что Наполеон приближается к пределу, который легко различается разумом, но отвергается чувствами.

К тому же все жаждали мира и его тихих радостей. Несомненно, Наполеон обеспечил Франции внутреннюю безопасность, и в такой степени, что почти за год его отсутствия не случилось никаких волнений. Недолгая тревога, порожденная бойней в Эйлау и зимним вздором продовольствия, и робкий ропот недовольных в салонах стали единственными признаками наступавшего кризиса. Но, хотя никто уже не опасался возвращения ужасов девятнадцатого третьего года и все чувствовали себя вполне уверенно, условием тому было, чтобы Наполеон оставался живым и перестал подставлять свою драгоценную голову ядрам; все желали наслаждаться, без примеси беспокойства, величайшим благоденствием, которым он одарил Францию. Те, кто был обязан ему крупными состояниями, мечтали ими воспользоваться; классы, живущие сельским хозяйством, промышленностью и торговлей, то есть почти всё население, желали, наконец, извлечь выгоду из последствий революции и открывшихся Франции обширных рынков сбыта, ибо, хоть моря и были закрыты для Франции, перед ней простирался целый континент. Да и моря, как надеялись, вследствие Тильзитских переговоров должны были вскоре открыться. Все видели, что величайшие державы континента, убедившись в совпадении интересов и бессмысленности вражды, в лице своих государей заключили друг друга в объятия и объединились, чтобы закрыть берега Европы для Англии и обернуть против нее усилия всех народов. И теперь все обольщались, что эта держава испугается в 1807 году своей изоляции, как испугалась ее в 1802-м, и согласится на мир на умеренных условиях. Казалось невозможным и предположить, что посредничество русского двора, облегчающее для ее гордости столь отвечающее ее интересам примирение, может быть отвергнуто. Все наслаждались миром на континенте, предвкушали мир на морях и были счастливы одновременно тем, что имели, и тем, на что надеялись.

Однако армия, на которую бремя войны ложилось тяжелее всего, не так жадно стремилась к миру, как остальной народ. Правда, ее главные вожди, уже повидавшие столько дальних стран и кровопролитных сражений, уже увитые славой и которых Наполеон вскоре должен был осыпать богатствами, желали, как и вся нация, насладиться тем, что приобрели. Многие старые солдаты, получившие свою долю от щедрот Наполеона, желали того же. Но молодые генералы, офицеры и солдаты, а они составляли наибольшую часть армии, только и ждали новых случаев стяжать славу и богатство. Тем не менее передышка после утомительной кампании была по сердцу и им, и можно сказать, что Тильзитский мир единодушно приветствовали и народ, и армия, и Франция, и Европа, и победители, и побежденные. За исключением Англии, против которой вновь обернулся весь континент, и Австрии, понадеявшейся было на уничтожение ее покорителя, все народы рукоплескали миру, внезапно последовавшему за величайшими военными потрясениями современности.

Наполеона ждали с нетерпением; ибо, помимо причин с неудовольствием относиться к его отлучкам, всегда вызываемых войной, всем нравилось знать, что он рядом, бдит над всеобщим покоем и старается извлечь из своего неисчерпаемого гения новые средства благополучия.

Пушечный выстрел Инвалидов, возвестивший о вступлении Наполеона во дворец Сен-Клу, отозвался во всех сердцах сигналом счастливейшего события, и сверкавшая вечером в окнах парижан и на фасадах общественных зданий иллюминация свидетельствовала о подлинной всеобщей радости.

Утром 27 июля Наполеон прибыл в замок Сен-Клу, где имел обыкновение проводить лето. К принцессам его дома, поспешившим увидеться с братом, присоединились великие сановники, министры и главные члены государственных учреждений. Уверенность и радость светились на лице императора. «Вот и обеспечен мир на континенте, – сказал он, – а вскоре мы получим и морской мир, при вольном или невольном содействии всех континентальных держав. Я имею основания полагать прочным только что заключенный мною союз с Россией. Мне хватило бы и менее мощного союзника, чтобы сдерживать Европу и отнять у Англии все ресурсы. Но с таким союзником, как Россия, которого доставила мне победа, я подавлю любое сопротивление. Будем же наслаждаться нашим величием и сделаемся теперь коммерсантами и фабрикантами!» Обращаясь к своим министрам, Наполеон сказал: «Довольно я побыл генералом, с вами я теперь вновь стану *премьер-министром* и вернусь к *великим смотрам дел*, которым пора сменить *великие смотры войск*». Он удержал в Сен-Клу Камбасереса, пригласив его на семейный обед, и беседовал с ним о своих планах, ибо его непрестанно трудившийся пламенный ум заканчивал одно дело лишь для того, чтобы тут же начать новое.

На следующий день Наполеон занялся распоряжениями, объемлющими всю Европу, от Корфу до Кенигсберга. Он стремился как можно скорее извлечь выгоду из заключенного в Тильзите союза с Россией, купленного кровью побед и бесконечными надеждами: прежде чем время и неизбежные разочарования охладят его первоначальный пыл. Союз заключал обязательства вынудить Швецию, Данию и Португалию, то есть все прибрежные европейские государства, выступить против Англии, а также принудить к подобному решению и Австрию, надавив на нее решительно. В результате Англия, если не примет условий мира, предложенных Россией, должна была оказаться в кольце врагов от Кронштадта до Кадиса и от Кадиса до Триеста.

Уже на пути из Дрездена в Париж и на следующий же день по прибытии в Париж Наполеон отдавал распоряжения для незамедлительного осуществления этой обширной системы. Прежде всего он отправил в Санкт-Петербург посланца для продолжения обольщения Александра, начатого в Тильзите. Конечно, невозможно было найти посла более обольстительного, чем он сам. Однако нужно было подыскать кого-то, кто мог нравиться, внушать царю доверие и сглаживать все трудности, какие неизбежно возникают даже при самом искреннем союзе. Выбор требовал размышления. Но, пока не сыскался тот, кто соединит в себе все желаемые достоинства, Наполеон послал генерала Савари, об уме, храбрости, беззаветной и безграничной преданности которого мы уже говорили. Генерал подходил для любых миссий – и для войны, и для дипломатии, и для поддержания порядка, он умел проявить и гибкость, и жесткость и был способен подчинить себе мысли молодого монарха, которому уже успел понравиться. В первое время, когда важно было знать, насколько искренен Александр, умеет ли он противостоять враждебному настрою народа, который не столь быстро, как он сам, переходил от горьких воспоминаний Фридриха к иллюзиям Тильзита, – генерал Савари был способен проникнуть в ум молодого государя, припугнуть его дерзостью, а при нужде и ответить вполне военной заносчивостью на заносчивость, с какой мог столкнуться в Санкт-Петербурге. Генерал Савари обладал еще одним преимуществом, небезразличным злой гордости Наполеона. Война с Россией началась из-за смерти герцога Энгиенского, и Наполеон был не прочь послать туда человека, сыгравшего в катастрофе наибольшую роль. Так он бросал вызов русскому дворянству, враждебному Франции, не задевая государя, который в своей изменчивости позабыл о причине войны столь же скоро, как и о самой войне.

Наполеон предоставил генералу Савари обширные полномочия, без всякого официального звания, и много денег, чтобы он мог приличествующим образом устроиться в Санкт-Петербурге. Савари должен был заверить молодого императора в искренности Франции, настаивать на его скорейшем объяснении с Англией и получении результата – либо мира, либо войны, а в случае войны – на незамедлительном захвате Финляндии, каковое предприятие, при удовлетворении московских амбиций, имело бы следствием и окончательное вовлечение России в политику Франции.

Позабывшись об отношениях с Россией, Наполеон перенес внимание на другие кабинеты, призванные содействовать его системе. Он вовсе не рассчитывал на здравое поведение Швеции, которой правил тогда сумасбродный король. Хотя этой державе было вдвойне выгодно не дожидаться, когда ее принудят силой, а содействовать триумфу нейтральных стран и выгодно избавиться от русского вторжения, Наполеон тем не менее полагал, что вскоре придется применить против нее силу. Обладая армией в 420 тысяч человек и владея континентом от Рейна до Немана, это было ему нетрудно. Он распорядился немедленно приступить к захвату Шведской Померании, единственному сохранившемуся владению Швеции на германской земле. С этой целью Наполеон произвел некоторые изменения в расположении своих сил в Польше и Пруссии. Он не хотел оставлять Польшу прежде, чем учрежденное им новое Саксонское королевство утвердится в ней, и Пруссию прежде, чем будут полностью выплачены военные контрибуции – как ординарные, так и экстраординарные. Вследствие чего маршал Даву с его корпусом, польскими войсками нового призыва и большей частью драгун, получил приказ оккупировать часть Польши, назначавшуюся, в виде Великого герцогства Варшавского, королю Саксонии. Одной дивизии предписывалось расположиться в Торуне, другой в Варшаве, третьей в Познани. Так возникло первое генерал-губернаторство. Маршал Султ с его армейским корпусом и почти всем кавалерийским резервом получил приказ оккупировать Старую Пруссию, от Прегеля до Вислы и от Вислы до Одера, с предписанием выводить войска постепенно, по мере выплаты контрибуций. Внутри этого второго генерал-губернаторства Наполеон расположил еще одно, в некотором роде исключительное, как и само место, требовавшее его присутствия, – то был Данциг. В нем размещались гренадеры Удино и дивизия Вердье, которые формировали корпус маршала Ланна и оккупировали этот богатый город и возвращенные ему, как свободному городу, территории. Дивизии Вердье не назначалось там оставаться, но гренадеры Удино получили приказ не оставлять город до полного прояснения европейских дел. Третье генерал-губернаторство, заключающее в себе Силезию, было вверено маршалу Мортье, которого Наполеон охотно размещал в провинциях, чьи богатства требовалось уберечь от военных беспорядков. Мортье оставил свой армейский корпус, распущенный в результате воссоединения поляков и саксонцев в герцогстве Варшавском, и командовал теперь пятым и шестым корпусами, оставленными Массена и Неем. (Эти двое, а также Ланн получили дозволение вернуться во Францию, чтобы отдохнуть от тягот войны.) Пятый корпус был расквартирован в окрестностях Бреслау в Верхней Силезии, шестой – в окрестностях Глогау в Нижней Силезии. Первый корпус, вверенный после ранения Бернадотта генералу Виктору, получил приказ оккупировать Берлин, следуя в своем попятном движении совместно с Императорской гвардией, которая возвращалась во Францию.

Наконец, войска, формировавшие наблюдательную армию в тылах Наполеона, были быстро выдвинуты на побережье. Итальянцы, часть баварцев, баденцы, гессенцы, две прекрасные французские дивизии Буде и Моли-тора были переведены, вместе с артиллерийским парком, послужившим для осады Данцига, к Шведской Померании. Наполеон усилил этот парк всеми орудиями и боеприпасами, какие удалось собрать благодаря теплоту времени года, и расположил его напротив Штральзунда, чтобы отнять это временное пристанище у короля Швеции в том случае, если этот государь, верный своему нраву, единолично возобновит воен-

ные действия, когда все сложили оружие. Непосредственное командование этими войсками, доходившими в целом до 38 тысяч человек и снабженными множеством снаряжения, принял маршал Брюн, возглавлявший наблюдательную армию. Инженеру Шаслу, который столь искусно руководил осадой Данцига, было поручено руководить и предстоящей, возможно, осадой Штральзунда.

Бернадотт, уехавший в Гамбург поправить здоровье после ранения, получил командование войсками, назначавшимися для охраны ганзейских городов и Ганновера. Голландцы были приближены к Голландии и передвинуты на Эмс, испанцы оккупировали Гамбург. После роспуска корпуса Мортье Французская дивизия Дюпа, входившая в его состав, была направлена в ганзейские города для оказания помощи союзникам, голландцам или испанцам, в случае появления неприятеля. Неприателем могли оказаться не кто иные, как англичане, которые уже год непрестанно давали пустые обещания послать экспедицию на континент, и теперь вполне могли, как нередко случается с теми, кто долго колеблется, начать действовать, когда время действовать миновало. К войскам Брюна, стоявшим перед Штральзундом, и войскам Бернадотта, наблюдавшим за Ганновером и Голландией, должна была при нужде присоединиться дивизия Дюпа, а затем и весь первый корпус, сосредоточенный в эту минуту вокруг Берлина. Против подобного соединения сил всякое поползновение англичан было обречено на провал.

Таким образом, если бы русское посредничество потерпело неудачу, всё было бы готово к тому, чтобы отбросить шведов из Померании в Штральзунд, из Штральзунда на остров Рюген, с острова Рюген в море, и туда же отбросить и англичан – в случае их высадки на континент. Эти меры должны были также вынудить Данию присоединиться к континентальной коалиции против Англии. Датчане столь скрупулезно соблюдали нейтралитет и вели себя столь сдержанно, что невозможно было действовать с ними так же грубо, как со шведами. Наполеон поручил Талейрану написать датскому двору, что настало время присоединиться к делу Франции, ибо Франция борется против Англии не за что иное, как за права нейтральных стран, а права нейтральных стран – жизненно важный вопрос для всех морских держав, и особенно для самых маленьких, обыкновенно более всего страдающих от британского владычества. Талейрану было приказано выказать дружелюбие и настойчивость, предложить Дании содействие прекрасных французских войск и артиллерии, способной держать на расстоянии даже наилучшим образом оснащенные английские корабли.

Напугав Англию таким соединением сил и жесткими мерами против ее торговли, Наполеон рассчитывал не без пользы содействовать русскому посредничеству. Приняв вышеуказанные военные меры, он приказал конфисковать английские товары в Лейпциге, где они обнаружались в значительном количестве. Будучи недоволен тем, как исполнялись его приказы в ганзейских городах, он приказал захватить английскую факторию в Гамбурге, конфисковать все ценности и товары, а также перехватывать на всех почтовых отделениях британскую коммерческую корреспонденцию, в результате чего было сожжено более ста тысяч писем.

Конфискованные товары Наполеон приказал продать, а выручку за них перевести в кассу военных контрибуций. Он потребовал, чтобы Ганновер, с которым он обращался без всякой пощады, поскольку тот был английской провинцией, Гессен, прусские провинции Франконии и сама Пруссия, наконец, заплатили контрибуции прежде вывода войск. К обычным контрибуциям, которые были выплачены лишь наполовину, Наполеон добавил экстраординарную контрибуцию, не такую уж непосильную и представляющую собой справедливую цену за войну, в которую его вовлекли. Договориться с Пруссией относительно способа выплаты оставшихся контрибуций он поручил Дарю, своему искусному и неподкупному представителю в финансовых делах армии, объявив, что несмотря на желание отозвать французские войска, дабы перевести их на европейское побережье, он не оставит Пруссии ни единой провинции и ни единой крепости до полной выплаты обещанных ему сумм. Таким образом он надеялся, покрыв все

расходы на кампанию и соединив с контрибуциями Германии остатки контрибуций, которыми облагалась Австрия, сохранить примерно 300 миллионов.

Принимая меры для осуществления своей системы на Севере, Наполеон принимал их равным образом и на Юге. Во время Прусской кампании Испания подала ему повод к недоверию, ибо прокламация князя Мира, в которой он призвал испанское население к оружию под предлогом противостояния неизвестному врагу, могла объясняться только настоящей изменой.

Вернувшись в Париж, Наполеон перенес свое внимание на эту важнейшую часть европейского побережья, сказав себе, что в конце концов придется принять решение в отношении вырождавшейся испанской монархии, всегда готовой к измене. И хотя его мысль не знала покоя и беспрестанно перелетала с одного предмета на другой, – подобно его орлу, перелетавшему из одной столицы в другую, – он решил пока не останавливаться на этом важном вопросе, поскольку не хотел усложнять существующее положение и мешать всеобщему умиротворению, которого пламенно желал, на которое надеялся и которое, в случае его осуществления, сделало бы возрождение испанской монархии не столь насущным делом. Однако в том случае, если Англия, несмотря на свою изоляцию, захочет всё же продолжать войну, Наполеон предполагал уделить серьезное внимание положению Испании и принять в ее отношении окончательное решение. В настоящее время он собирался только добиться от нее принятия строгих мер против британской торговли и подчинения Португалии его обширным замыслам.

Помимо постоянного посла Массерано, совершенно бесполезного и исполнявшего исключительно почетную роль, Испанию в Париже представлял Искуэрдо, секретный агент князя Мира, облеченный всей полнотой его доверия. Реальные дела поручались только ему, ибо он был проницателен и знал все тайны испанского двора. Сочтя, что для предотвращения возможного гнева Наполеона двух агентов недостаточно, несчастные государи из Эскориала задумали послать к нему третьего, чрезвычайного посла, чтобы поздравить с победами и засвидетельствовать по случаю этих побед радость, которой они вовсе не ощущали. На эту пышную роль выбрали знатнейшего испанского вельможу герцога де Фриаса и попросили дозволения прислать его в Париж. Но для того чтобы обезоружить Наполеона, не требовалось столько почестей: несколько бóльшая активность против общего врага была для него, несомненно, важнее, чем самые великолепные посольства. Не желая тревожить более необходимости двор, чувствующий свою вину, Наполеон принял герцога де Фриаса с величайшим почтением и выслушал поздравления. А затем сказал новому и старым послам, что принимает поздравления с победами и с восстановлением континентального мира, но из континентального мира следует извлечь мир морской; что этого – столь желательного для Испании и ее колоний – результата можно добиться, лишь напугав общего врага энергичными усилиями и абсолютным запрещением его торговли; что нужно содействовать Франции и с этой целью потребовать от Португалии скорейшего и всецелого присоединения к континентальной системе, не показного, а действительного изгнания англичан из Оporto и Лиссабона, немедленного объявления войны и конфискации всех британских товаров; что если Португалия на это не согласится, то Испании придется приготовить свои войска, ибо он уже приготовил свои, и Португалия будет тотчас захвачена до окончания войны, может быть, навсегда, – в зависимости от обстоятельств. Все три испанских посланника склонились перед волей Наполеона, которую обещали без промедления передать своему кабинету.

Одновременно Наполеон вызвал посла Португалии господина Лиму и уведомил его, что если в сроки, строго необходимые для того, чтобы написать в Лиссабон и получить ответ, он не получит обещания изгнать англичан, наложить запрет на их торговлю и объявить войну, то господину Лиме придется забрать паспорта и ожидать выдвижения французской армии из

Байонны на Саламанку, а из Саламанки на Лиссабон; что этого требует политика великих держав для восстановления мира в Европе.

Лима обещал тотчас написать своему двору и не замедлил это сделать. Но Наполеон не удовольствовался простым объявлением своей воли и, предвидя, что таковое объявление будет действенным лишь в той мере, в какой за ним последует демонстрация силы, отдал приказ срочно собрать в Байонне корпус в двадцать пять тысяч человек, готовый возобновить против Португалии экспедицию 1801 года. Мы, конечно, помним, что несколькими месяцами ранее он задумал высвободить лагеря на побережьях, заменив их пятью резервными легионами, по шесть батальонов в каждом, организацию которых доверил пяти бывшим генералам, ставшим сенаторами. Полагая, что ближайшее возвращение Великой армии должно напугать англичан, он, еще до окончательного их формирования, не колеблясь, оголил побережье Нормандии и Бретани и приказал собрать в Байонне войска из лагерей Сен-Ло, Понтиви и Наполеон-Вандеи. Каждый из этих лагерей представлял собой настоящую дивизию, а в соединении с драгунами со сборных пунктов в Версале и Сен-Жермене, артиллерийскими подразделениями из Ренна, Тулузы и Байонны все они составляли превосходную армию численностью около 25 тысяч человек. Эта армия получила приказ без промедления сосредоточиться в Байонне. Командовать ею Наполеон назначил генерала Жюно, который знал Португалию, где прежде служил послом, и был хорошим офицером, всецело преданным своему властителю. Эти меры были приняты совершенно открыто, чтобы Испания и Португалия не заблуждались насчет того, насколько серьезны будут последствия их отказа. Одновременно были отданы приказы о том, чтобы по два батальона из каждого резервного легиона сменили на побережье удалявшиеся оттуда войска.

В том же духе Наполеон распорядился делами в Италии. Там, как и повсюду, его первой заботой было ужесточение мер против английской торговли, всё с тем же намерением сделать Лондонский кабинет более чутким к предложениям России. Королева Этрурии [Мария-Луиза] дочь государей Испании, посаженная Наполеоном на тосканский трон, правила своим государством с небрежностью женщины и испанки, выказывая весьма не много верности общему делу: англичане торговали в Ливорно так же свободно, как в собственных портах. Наполеон объединил опорные пункты армии Неаполя в папских провинциях и бдительно следил за постоянным их снабжением новобранцами и снаряжением. Он приказал принцу Евгению сформировать из них дивизию в четыре тысячи человек, направить ее через Апеннины на Пизу, неожиданно напасть на английские торговые корабли в Ливорно, захватить людей и товары, а затем объявить королеве Этрурии, что войска пришли для защиты порта от вражеских поползновений, весьма возможных после отправки испанского гарнизона с корпусом генерала Ла Романы в Ганновер. Предписав эту экспедицию, Наполеон послал приказ генералу Лемаруа направить войсковые подразделения в провинции Урбино, Мачерата и Фермо для занятия побережья, изгнания с него англичан и подготовки надежных стоянок для французских судов, которые должны были вскоре показаться в этих морях. В самом деле, Наполеон только что получил обратно залив Каттаро, Корфу и Ионические острова и решил не упускать случая захватить Сицилию и заполнить своими кораблями Средиземное море. В то же время он рекомендовал генералу Лемаруа наблюдать за настроениями в провинциях Святого престола и в случае выявления явной склонности перейти из церковного управления под власть принца Евгения не противоречить и не чинить таковой склонности никаких препятствий.

В это время ссора со Святым престолом, об истоках которой мы рассказали, опустив изложение ее повседневных подробностей, с каждой минутой разгоралась всё сильнее. Прибыв в Париж на коронацию Наполеона, папа покинул столицу Франции с великим моральным и религиозным удовлетворением и мирским неудовольствием, оттого что ему не вернули папских провинций. С тех пор, в результате постепенного расширения французского владычества в Италии, независимость папы становилась всё более формальной, и он затаил глубокое разо-

чарование, которого не умел скрыть. Вместо того чтобы договориться с всемогущим государем, который вовсе не думал завладеть суверенитетом Рима и хотел от него только добрососедских отношений с новыми французскими государствами, основанными в Италии, папа поддавался досадным влияниям, тем более властным над его разумом, что они соответствовали его тайным чувствам. Движимый подобной склонностью, он досаждал Наполеону при всяком урегулировании дел, касающемся королевства Италии. Он притязал на сохранение в нем всех прав папства, якобы гораздо более сильных в Италии, нежели во Франции, и не соглашался на равный конкордат для обеих стран. К этому присоединялись и придирки более личного свойства. Принц Жером Бонапарт во время морских кампаний в Америке заключил брак с одной весьма красивой особой честного происхождения, но в возрасте, делавшем брак недействительным; недействительным его делало и отсутствие согласия со стороны родителей. Наполеон желал основать новое королевство Вестфалию, женив принца на германской принцессе, и отказался признавать этот брак, недействительный с точки зрения гражданских и церковных законов и противоречивший его политическим замыслам. Он обратился к Святому престолу с просьбой аннулировать брак, чему папа категорически воспротивился. Наконец, еще более открытым проявлением враждебности стало превращение города Рима в прибежище всех врагов короля Жозефа.

На пути из Тильзита в Париж Наполеон написал принцу Евгению, изложив ему свои претензии и поручив уведомить о них Ватикан, чтобы дать знать папе, что терпение императора Франции, и без того невеликое, на сей раз истощилось и что при необходимости, не посягая на духовную власть понтифика, он без колебаний лишит его мирской власти. Подобными отношениями с римским двором объясняется легкость, с какой Наполеон принял вышеупомянутые меры в отношении части побережья Адриатического моря, состоявшей в ведении Святого престола.

Тильзитский договор оговаривал возвращение Наполеону залива Каттаро, уступку Корфу и всех Ионических островов. Эти владения дополняли провинции Наполеона в Иллирии, обеспечивали господство в Адриатическом море и подступы к турецким провинциям в Европе, назначавшиеся ему в случае раздела Оттоманской империи, и давали, наконец, новое средство подчинить себе Средиземное море, где он желал господствовать безраздельно, коль скоро пришлось оставить Океан на волю англичан. Мы помним, что после заключения Пресбургского мира русские завладели фортами Каттаро, в минуту смены австрийского гарнизона французским. Дабы не позволить англичанам поступить подобным же образом, Наполеон прямо из Тильзита приказал генералу Мармону собрать под стенами Каттаро французские войска в самую минуту ухода русских. Приказ был пунктуально исполнен, и французские войска, вступив в Каттаро, прочно заняли эту важную морскую позицию.

Но Корфу и Ионические острова интересовали Наполеона еще больше, чем залив Каттаро. Он предписал своему брату Жозефу тайно, дабы не возбудить подозрений у англичан, направить в Таранто итальянский 5-й линейный и французский 6-й линейный полки, несколько артиллерийских рот, рабочих, боеприпасы, офицеров Главного штаба и генерала Бертье для командования гарнизоном и сформировать из них несколько конвоев для отправки на фелуках из Таранто на Корфу. Поскольку путь не превышал нескольких лье, двух суток должно было хватить для переправы в несколько приемов четырех тысяч человек. Передачу Ионических островов осуществлял адмирал Сенявин, командующий русскими силами на Архипелаге. Он делал это с крайним неудовольствием, ничуть не скрываемым, ибо русский флот, руководимый в основном либо английскими, либо русскими офицерами, обученными в Англии, был гораздо более враждебен к французам, чем сухопутная армия, сражавшаяся в Эйлау и Фридланде. Адмирал подчинился и сдал французским войскам охранявшиеся им прекрасные позиции. Но его неудовольствие имело двоякую причину, ибо, оставив дорогие

ему Каттаро, Корфу и Ионические острова, он оказывался в Средиземном море, не имея возможности после разрыва с турками вернуться в Черное море через Дарданеллы, и был вынужден идти через Гибралтарский пролив, Ла-Манш и Зунд мимо английского флота, который, в зависимости от исхода начатых переговоров, мог пропустить его или арестовать. Угадав его затруднения, Наполеон приказал передать русским адмиралам, что в портах Средиземноморья, как итальянских и французских, так и испанских и португальских, они найдут надежные стоянки, продовольствие, боеприпасы и средства для ремонта.

Русские военно-морские силы, уведомленные и своим и французским правительствами, отошли двумя дивизиями в разных направлениях. Дивизия с гарнизоном Каттаро направилась к Венеции, где высадила русские войска, которые с величайшими почестями встретил Евгений. Дивизия с войсками с Корфу высадила их в городе Манфредония, в королевстве Неаполь, и затем, под водительством адмирала Сенявина, направилась к проливу. Адмирал, еще не принявший взглядов своего государя, не пожелал останавливаться во французских портах и портах, находившихся под французским влиянием, и надеялся добраться до северных морей прежде, чем переговоры между российским и английским дворами приведут к разрыву.

Наполеон решил не ограничиваться предосторожностями в отношении провинций Адриатики и Средиземного моря. Отправка четырехтысячного корпуса на Корфу казалась ему недостаточной. Поэтому он приказал послать туда еще французский 14-й легкий полк и несколько других подразделений, чтобы довести численность имеющихся там франко-итальянских сил до 7–8 тысяч человек, не считая некоторого количества албанцев и греков, завербованных для охраны мелких островов под началом французских офицеров. Пять тысяч человек находились на самом Корфу, и полторы тысячи – на острове Сент-Мор. На континенте пятьсот человек охраняли город Паргу. На Закинфе и Кефалонии Наполеон разместил французские подразделения для поддержки и сдерживания албанцев. Он предписал принцу Евгению и королю Жозефу при всяком благоприятном ветре отправлять из Анконы и Таранто на мелких итальянских суденышках зерно, сухари, порох, снаряды, ружья, пушки, лафеты и продолжать до тех пор, пока на Корфу не наберется всё необходимое для длительной обороны, чтобы избежать риска, как на Мальте, потерять из-за голода позицию, которую неприятель не может захватить силой.

Генерал Мармон построил в провинциях Иллирии, которыми управлял с большим умом и усердием, прекрасные дороги. Он получил приказ продолжить их до Рагузы и Каттаро, совершать разведывательные рейды до Бутринто, города на побережье Эпира, расположенного напротив Корфу, и подготовить средства для быстрой переброски туда дивизии. Наполеон приказал также просить Порту отдать ему Бутринто, чтобы свободно использовать эту позицию, откуда легко было посылать помощь на Корфу; его просьба была удовлетворена. Наконец, он потребовал и добился устройства перегрузочного пункта в Тартаре, меж Каттаро и Бутринто, дабы Мармон скорее получал уведомления о появлении неприятеля и мог прибыть с 10–12 тысячами человек – силой достаточной, чтобы дать отпор англичанам в случае их высадки.

К этим средствам Наполеон прибавил другие, которые предоставляло содействие флота. Он отправил из Тулона капитана Шоно-Дюкло с фрегатами «Помона» и «Полина» и корветом «Викторьез», чтобы начать формировать флот на Корфу. Кроме того, он приказал поставить в порту Корфу два больших брига и снарядить их местными матросами и подразделениями французских войск. Этому новому флоту из фрегатов и бригов назначалось крейсировать меж Италией и Эпиром, Корфу и другими островами, пропускать французские торговые суда и задерживать суда неприятеля.

Обращаясь к Жозефу, принцу Евгению и Мармону с этими многочисленными инструкциями, исполненными не только повелительности, всегда присущей его приказам, но и страсти, всегда обнаруживающейся, когда его приказы связывались с занимавшей его идеей, Напо-

леон писал им: «Эти меры касаются планов, которые вы не можете знать. Знайте только, что потеря Корфу при существующем положении станет для Империи величайшим несчастьем».

Его планы, в самом деле, были мало кому известны в Европе. Сам Талейран, переговорщик Наполеона в Тильзите, имел о них только смутное представление. Они были ведомы только Наполеону и Александру, обещавшим друг другу на берегах Немана договориться о предстоящем разделе Турецкой империи. Наполеон не торопился достичь этого результата; Александр, напротив, стремился к нему всеми силами, что составляло опасность для их союза. Но в предвидении событий Наполеон хотел быть готовым к захвату турецких провинций, находившихся у него под рукой; более того, что бы ни случилось, он желал сделаться хозяином Средиземноморья. Он полагал, что господство в этом море, кратчайшем пути между Востоком и Западом, утешит его в потере первенства на Океане. Поэтому в день подписания Тильзитского мира Наполеон решился вновь завладеть Сицилией, которую считал своей с тех пор, как захватил Неаполь для одного из своих братьев; он надеялся удержать ее либо в результате оставления ее англичанами, если русским удастся договориться о мире, либо силой оружия в случае продолжения войны. Поэтому еще с конца зимы он слал приказы министру флота для отправки эскадр в порт Тулона и подготовки великой экспедиции на Сицилию.

Приказы, исполнению которых помешали обстоятельства и недостаток средств, повторились с новой силой после подписания континентального мира. В самый день подписания мира Наполеон написал принцу Евгению, королю Жозефу, королю Луи и министру флота, что по окончании войны на континенте настало время вернуться к морю и подумать, как с выгодой воспользоваться огромной протяженностью побережий, которыми обладает Франция. Англия, несомненно, обладала преимуществом островного положения, бывшего до той поры непоколебимым основанием ее морского величия; но обладание всеми морскими побережьями от Кронштадта до Кадиса, от Кадиса до Неаполя и от Неаполя до Венеции также доставляло средство морского могущества, и средство грозное, если воспользоваться им с умением и вовремя. В Берлине, в упоении победами, Наполеон говорил, что *нужно покорить море через сушу*. Он по возможности осуществил эту идею, добившись в Тильзите добровольного или вынужденного союза всех континентальных держав против Англии; теперь нужно было спешить использовать этот союз, пока континентальное владычество Франции не стало для мира еще невыносимее, чем морское владычество Англии.

Двадцать два месяца миновало после роковой Трафальгарской битвы, в которой французский флот выказал высочайший героизм в величайшем поражении. Эти месяцы были употреблены на некоторую деятельность, и не без некоторой пользы. Адмирал Декре предлагал Наполеону заменить систему крупных морских сражений системой отдельных крейсерств. Преимуществом этой системы был меньший риск для всех сразу, обретение в плавании недостающего опыта, причинение ущерба неприятельской торговле и, наконец, шанс повстречать противника, лишенного численного превосходства, ибо море своей необъятностью дает место случайностям. Подобную систему, безусловно, стояло опробовать, и она получила бы бесспорные преимущества над предыдущей, если бы численное превосходство англичан не было столь велико и если бы отдаленные владения Франции не были столь опустошены и лишены всяких ресурсов.

Согласно плану министра Декре в Бресте, Рошфоре и Кадисе были подготовлены крейсерства, назначенные к отплытию на конец 1805 года при благоприятных осенних ветрах. Дивизия из четырех фрегатов отплыла в индийские моря, дабы вредить там английской торговле и помогать продуктами каперства острову Бурбон и Иль-де-Франсу, уже не имеющим возможности жить продуктами торговли. Фрегаты добрались благополучно и в самом деле доставили островам весьма обильные ресурсы. Тридцатого октября 1805 года из Лорьяна вышел капитан Лермит с кораблем «Регюлюс», фрегатами «Кибела» и «Президент» и бри-

гами «Сюрвейан» и «Дилижа». Он взял курс на Канарские острова и, следуя вдоль побережья Африки с севера на юг, подстерегал английские суда, занимавшиеся работоторговлей, захватывал их и в результате уничтожил великое их множество, ибо английское адмиралтейство, не предвидя в этих пределах встреч с французским флотом, не приняло мер предосторожности. Проплавав декабрь, январь, февраль и март, нанеся большой ущерб англичанам и захватив у них богатую добычу, дивизия отправила «Сюрвейан» во Францию с известиями о себе, а сама предалась на волю пассатов, которые отнесли ее к берегам Америки. В апреле она подошла к бразильскому порту Сан-Сальвадор, где посчастливилось найти продовольствие и выгодно продать негров, захваченных на английских судах. После двадцати двух дней передышки дивизия снова вышла в море и крейсировала в пределах Рио-де-Жанейро, нередко подвергаясь преследованию со стороны направлявшихся в Индию английских кораблей. Затем она подошла к Антильским островам, продолжая захватывать добычу, но 19 августа была настигнута ужасающим ураганом, самым чудовищным из случившихся в этих морях за последнюю четверть века, и рассеялась. «Регюлюс», потеряв из виду фрегаты, после напрасных их поисков возвратился 3 октября 1806 года в Брест, после почти годичного плавания. Фрегат «Кибела», лишившись мачт, был отнесен к Соединенным Штатам. Фрегат «Президент» захватили.

Несмотря на происшествия, случившиеся под конец крейсерства и неизбежные при одиннадцатимесячном плавании, Франция приняла бы от фортуны подобные условия для всех крейсерств. Капитан Лермит уничтожил 26 неприятельских кораблей, захватил 570 пленников, уничтожил ценностей более чем на 5 миллионов и доставил значительные суммы, намного превосшедшие затраты на крейсерство. Работоторговля у берегов Африки в тот год была разорена, и английские страховые компании яростно обрушились на адмиралтейство. Но остальные французские крейсерства были не столь удачны.

Ресурсы для организации сильной дивизии предоставлял только Брест. Из кораблей, собранных в этом большом порту, отобрали шесть, наиболее годных для долгого плавания, и 13 декабря 1805 года послали их, под командованием контр-адмирала Вильоме, в американские моря. Из шести кораблей, отбывших из Бреста, один нашел пристанище в Гаване, другой был уничтожен, еще два добрались до залива Чезапик в плачевном состоянии и без большого шанса оттуда выбраться, один спасся, а последний оказался на якорной стоянке в Конкарно, откуда его трудно было извлечь. Небольшая добыча составляла слабое возмещение за подобные неудачи.

В то же время из Лорьяна в северные моря были отправлены фрегаты «Сирена», «Реванш» и «Герьер» под командованием доблестного фламандского моряка, капитана Ледюка. Отплыв из Лорьяна в марте 1806 года, капитан Ледюк вернулся в сентябре в Сен-Мало и, не имея возможности пристать к берегу, встал на якорь в маленькой бухте Бреа. Он захватил 14 английских и одно русское судно, взял 270 пленников и уничтожил ценностей почти на три миллиона. К несчастью, он также потерял 95 человек. Его крейсерство можно было считать выгодным, хоть и потерпевшим большой урон от ненастной погоды. Оно составило великую честь руководившему им капитану.

В сентябре 1806 года контр-адмирал Космао, так достойно сражавшийся в Трафальгаре, вышел из Тулона с кораблями «Боре» и «Аннибал», фрегатом «Уралия» и катером «Сюксе», отправившись в Геную за построенным там кораблем «Женуа». Пройдя через пролив, он вернулся в Тулон, освободив это море для французской и итальянской торговли. Космао предпринимал подобное плавание еще не раз, и ему всегда удавалось уклоняться от неприятельского крейсерства.

В то же время капитан Солей, отбывший из Рошфора с четырьмя фрегатами и одним бригам, потерпел кровавое поражение. Англичане усвоили новую систему блокады: держась вдали от берега, они вынуждали блокированные французские суда выйти из порта, чтобы затем окружить их, прежде чем те успеют вернуться. Такая стратегия полностью оправдала себя в

отношении капитана Солея. Тогда существовал обычай выходить в море ночью, дабы незаметно миновать неприятельские крейсерства. Поскольку державшихся в отдалении англичан не было видно, капитан Солей вышел в море вечером 24 сентября 1806 года, не повстречав их на своем пути. На следующий день он заметил их в открытом море, поднял все паруса, чтобы уйти от них, и успел пройти сотню миль. Однако 26-го его настигла эскадра сэра Сэмюэла Худа, состоявшая из семи кораблей и множества фрегатов, и в течение многих часов он вел героический бой против пяти неприятельских кораблей. За исключением «Фемиды», которой удалось спастись с двумя бригами, остальные суда дивизии были захвачены и уничтожены.

Несчастливый министр Декре, вынужденный к концу 1806 года докладывать своему господину, получавшему отовсюду счастливые известия, только о неудачах, совершенно пал духом и разочаровался в системе крейсерств так же, как в системе больших сражений. Вынужденный объяснять Наполеону неудачи как новой, так и предыдущей военной системы, он указывал на их подлинные причины, делавшие при существующем положении вещей равно опасными любые военно-морские операции. Во-первых, численное превосходство англичан было столь велико, что позволяло им блокировать французские порты силами многих крупных эскадр, сохраняя при этом множество дивизий для преследования крейсерств, едва они давали о себе знать. Во-вторых, оснащение французских кораблей весьма уступало оснащению английских; и хотя французские матросы превосходили врага доблестью, они заметно уступали ему опытною.

Таково было положение морского флота Франции в 1807 году, когда Наполеон вернулся из долгой Северной кампании. Убежденный, что добьется мира во главе континентальных держав или победит Англию решающим перевесом объединенных сил, он был исполнен пыла. Он привык черпать в своем гении ресурсы для побед над людьми и стихиями и нисколько не разделял уныния адмирала Декре. Прежде всего, английской торговле были перекрыты еще не все пути. Через приоткрытые двери в Россию, Пруссию, Данию и ганзейские города, во враждебную Португалию, в безнадзорную Испанию, в Австрию, которую приходилось щадить, английские товары, продаваемые за низкую цену, проникали на континент. Теперь же, напротив, всякий доступ надлежало перекрыть и подготовить, таким образом, великий урон английским мануфактурам. Кроме того, теперь Наполеон был свободен приумножить судостроительные работы за счет ресурсов французского бюджета, с каждым днем становившегося всё богаче, и плодов победы, а также с помощью леса и рабочих рук со всего европейского континента. Располагая, кроме того, многочисленными высвободившимися войсками, он задумал обширную систему, постепенное развитие которой должно было настолько увеличить шансы великой экспедиции на Лондон, Ирландию или Индию, что она, возможно, стала бы успешной, если бы ее удалось скрыть от адмиралтейства, или же британское упорство в конце концов отступило бы перед ее вечной угрозой.

Наполеон был невысокого мнения о крупных морских сражениях, на которые соглашался лишь в некоторых случаях, дабы не отступать слишком явно перед неприятелем. Он был не лучшего мнения и о крейсерствах, слишком опасных ввиду недостатка надежных и снабженных обильными запасами стоянок. Соединив русские, голландские, французские, испанские, итальянские силы, располагая оснащенным флотом в Булони, Текселе, Флиссингене, Бресте, Лорьяне, Рошфоре, Кадисе, Тулоне, Генуе, Таранто и Венеции, содержа при флоте многочисленные и непобедимые войска, Наполеон хотел вынудить Англию держать перед этими портами военно-морские силы, которых не могло хватить для блокады всех портов. Неожиданно выйдя из порта, который окажется без надзора, он задумал перебросить армию в Египет, Индию или даже в Лондон, а в ожидании такого шанса – истощить людские, лесные, денежные ресурсы англичан, изнурить их постоянством и храбростью. Если бы он не изнурил себя сам в бесчисленных предприятиях, чуждых его великой цели, если бы не утомял добрую волю и

терпение своих союзников, то в конце концов одержал бы над Англией верх, ибо средства его были несомненно обширны и продуманы.

Но прежде великого развертывания сил, на которое требовалось два-три года, Наполеон приказал ускорить работы на судостроительных верфях во всей Империи, чтобы испытать систему экспедиций в Средиземном море, напав на Сицилию: он всё еще хотел добавить ее к королевству Неаполитанскому, уже отданному Жозефу.

Возвестив брату Луи о скором возвращении голландской армии и о том, что после возвращения она будет поглощать часть его ресурсов, Наполеон предписал ему привести в боеготовое состояние флот Текселя и собрать в нем не менее девяти полностью снаряженных кораблей. В Антверпене и Флиссингене он уже добился удивительных результатов. Пять построенных в Антверпене 80- и 74-пушечных кораблей без происшествий спустились по Эско во Флиссинген и там оснащались. Еще три почти законченных корабля должны были довести численность эскадры в Эско до восьми кораблей. Для их снаряжения отовсюду были собраны голландские, фламандские и пикардийские моряки. Наполеон приказал спустить на воду три законченных корабля, заложить на освобожденных верфях новые и бесконечно умножать число верфей; он хотел, чтобы Антверпен строил суда не только для Флиссингена, но и для Бреста, поскольку в Нидерланды сплавлялся по рекам германский и северный лес. Брестский лес Наполеон предполагал сохранить для ремонта эскадр, оснащавшихся в этом большом порту.

По возвращении в Париж Наполеон решил реорганизовать старую Булонскую флотилию. Он также торопил с постройкой фрегатов в Дюнкерке, Гавре, Шербуре и Сен-Мало. В Бресте, где после отплытия эскадры Вильоме оставалось двенадцать оснащенных кораблей, Наполеон приказал расснастить негодные корабли и наилучшим образом оснастить хорошие, сохранив высвободившихся матросов для новых строящихся кораблей. В Рошфоре Франция располагала прекрасной дивизией из пяти кораблей, отлично оснащенной и с превосходным командиром. Ею командовал один из тех людей, которых называют *морскими волками*, доблестный контр-адмирал Альман, лишившийся своих фрегатов из-за разгрома капитана Солея. Ему не терпелось выйти в море, но его по-прежнему удерживал английский флот, который уже 8–10 месяцев не выпускал из виду рейд острова Экс. Наполеон приказал спустить на воду законченный корабль, отремонтировать еще один, годный к службе, чтобы довести численность этой дивизии до семи кораблей. Повсюду, где завершалось строительство кораблей, он приказал без промедления приступать к строительству новых. В Кадисе он располагал прекрасной дивизией из пяти кораблей, остатков Трафальгара, отлично организованных и оснащенных, под командованием адмирала Розили. Он обратился к Мадридскому кабинету с настойчивыми, почти грозными требованиями добавить несколько кораблей к кораблям адмирала Розили и рекомендовал последнему быть готовым поднять якорь по первому сигналу. В Тулоне были снаряжены три корабля, два из которых принадлежали Тулону, а один Генуе. Наполеон приказал спустить на воду в Тулоне «Торговлю города Парижа» и «Робюсту», а в Генуе – «Бресслау», оснастить их, убрать негодные суда и тотчас сменить их на верфях новыми, чтобы в этом порту было шесть готовых кораблей. Наполеон послал инженеров в город Специю для изучения этой позиции, представлявшей ему довольно удачной. Наведя справки о портах Неаполя и Кастелламаре, он предписал Жозефу приступить к строительству двух кораблей в каждом из них. Пять кораблей строилось в Венеции, и Наполеон приказал заложить на ее верфях еще три корабля и подготовить выход возрожденного венецианского флота из арсенала в Адриатическое море.

Таким образом, Наполеон мог удвоить или утроить военно-морские силы Империи менее чем через год. Кораблей, которых поначалу недоставало, чтобы меряться силами с англичанами, в скором времени должно было стать достаточно для переброски войск и уже было достаточно для новых блокад и принуждения Англии к разорительным тратам.

Ожидая завершения этих гигантских начинаний, Наполеон пожелал немедля доставить помощь колониям и в ходе той же операции собрать сорок кораблей в Средиземном море. Он приказал дивизиям Бреста, Лорьяна и Рошфора погрузить 3100 человек и множество боеприпасов, доставить 1200 из них на Мартинику, 600 на Гваделупу, 500 в Сен-Доминго, 300 в Кайенну, 100 в Сенегал и 400 на Иль-де-Франс, а по возвращении в Европу пройти через Гибралтарский пролив и прибыть в Тулон. Соединение в Тулоне всех кораблей вместе с фрегатами должно было составить сорок судов, то есть силу, способную перебросить 15–18 тысяч человек на Сицилию и всё что угодно на Ионические острова.

Адмирал Декре, с почтенной храбростью противоречивший планам Наполеона, когда их величие не соразмерялось со средствами, не преминул оспорить и этот план. Он полагал, что неблагоприятно ставить снабжение колоний в зависимость от успеха двух-трех крупных экспедиций; ибо крупные экспедиции из многих кораблей и фрегатов подвергались ради доставки нескольких сотен человек в колонии опасностям, несоразмерным важности цели. Декре считал, что лучше отправлять в колонии отдельные фрегаты, погрузив на каждый из них некоторое количество снаряжения и две-три сотни человек, ибо в случае гибели одного из них потеря будет незначительной, а другие фрегаты доберутся до цели, и колонии всегда смогут рассчитывать на получение части предназначенной им помощи. Он считал, что дивизии, которым придется проходить через пролив, подвергнутся огромной опасности, во избежание ее следует предоставить им свободу воспользоваться благоприятным ветром, чтобы пересечь пролив, при этом не усложняя их миссию плаванием к Антильским островам и возвращением в Европу. Наконец, Декре полагал, что в Средиземное море достаточно послать дивизию Кадиса, расположенную близко к цели, и, возможно, дивизию Рошфора, но что не следует уводить с Океана все силы, отправляя в Тулон дивизии Лорьяна и Бреста.

Наполеон, уступавший справедливым доводам опытных людей, принял замечания министра, следствием чего стало его решение отправить отдельные экспедиции в колонии из портов Дюнкерка, Гавра, Шербура, Нанта, Рошфора и Бордо, изобиловавших фрегатами, а в Тулон послать дивизии Рошфора и Кадиса. Вместе с Тулонской дивизией они формировали соединение в 17–18 кораблей и 7–8 фрегатов и представляли собой достаточные силы, чтобы в течение двух-трех месяцев господствовать в Средиземном море и исполнить всё задуманное относительно Сардинии, Сицилии и Ионических островов. Адмирал Альман в Рошфоре и адмирал Розили в Кадисе получили приказ при первом благоприятном случае поднять якорь и пройти через пролив, действуя так, как подскажут им опыт и обстоятельства. От испанского двора Наполеон потребовал снарядить в Кадисе несколько кораблей, снабдить провиантом, достаточным для короткой экспедиции, дивизию из Картахены и направить ее в Тулон.

Таковы были меры принятые Наполеоном во исполнение Тильзитского договора, дабы устрашить Англию огромным сосредоточением военно-морских сил и склонить ее к миру, а в случае упорства принудить Швецию, Данию, Пруссию, Португалию и Австрию закрыть порты товарам из Манчестера и Бирмингема. Но не только внешние дела привлекали внимание Наполеона. Ему не терпелось заняться управлением, финансами, общественными работами, законодательством – всем тем, что могло содействовать внутреннему благополучию Франции, которая была дорога ему не меньше его славы.

Но прежде Наполеону пришлось осуществить несколько необходимых перемен в высших военных и гражданских должностях. Главной, если не единственной причиной перемен стал Талейран. Этот искусный представитель Наполеона в Европе, который был ленив, сладострастен, никогда не спешил действовать и вообще двигаться и чьи физические немощи усиливали его вялость, подвергся жестоким испытаниям во время Прусской и Польской кампаний. Он устал от министерства иностранных дел и хотел, не отказываясь от управления этими делами, которые были его излюбленным занятием, заниматься ими не в качестве министра. Его гор-

дость весьма пострадала, когда его не сделали великим сановником, как Камбасереса и Лебрена, и герцогство Беневентское, пожалованное ему в качестве возмещения, лишь на время приглушило его желания, не утолив их. Бесконечное отсутствие во Франции принцев императорской семьи, которые были одновременно великими сановниками и иностранными государями, предоставило случай увеличить количество великих сановников. Отсутствовавших принцев было трое: Луи Бонапарт, король Голландии и коннетабль; Евгений Богарне, вице-король Италии и государственный архиканцлер; Жозеф, король Неаполя и великий электор. Талейран внушил Наполеону, что нужно снабдить их заместителями, с титулами вице-коннетабля, великого вице-электора и вице-архиканцлера. Талейран хотел стать великим вице-электором и, предоставив министру иностранных дел вульгарную заботу получать и отправлять депеши, самому продолжать руководить основными переговорами. Во время пребывания в армии он не упускал возможности беседовать с императором на эту тему и своей настойчивостью добился обещания, которое Наполеон дал ему наперекор себе – ибо не хотел, чтобы великие сановники осуществляли активные функции, ввиду того, что они не подлежали никакой ответственности, разделяя в некотором роде неприкосновенность государя.

По возвращении в Париж, когда все получали награды за услуги, оказанные во время последней кампании, Талейран явился в Сен-Клу и в присутствии Камбасереса напомнил Наполеону о его обещании. Наполеон выказал горячее недовольство. «Не понимаю, – резко возразил он, – вашего нетерпения сделаться великим сановником и оставить должность, которая прославила вас. Вы должны знать, что великие сановники не могут быть министрами, внешние сношения не останутся за вами, и ради титула, который будет только тешить ваше тщеславие, вы потеряете выдающуюся должность, к которой весьма способны». «Я устал, – отвечал Талейран, – мне нужен отдых». «Что ж, вы станете великим сановником, но станете им не один». И Наполеон обратился к Камбасересу: «Бертье послужил мне не менее других, будет несправедливо не сделать великим сановником и его. Составьте декрет, которым Талейрану будет пожалован сан великого вице-электора, а Бертье – вице-коннетабля, и принесите его мне на подпись».

Талейран удалился, и Наполеон пространно выразил Камбасересу свое недовольство. Так Талейран покинул свой пост, с большим уроном для себя и для дел.

Декрет был подписан 14 августа 1807 года. Следовало найти замену Талейрану и Бертье на должностях министра иностранных дел и военного министра. У Наполеона был под рукой министр внутренних дел Шампаньи, человек мягкий, честный, усердный, посвященный в дипломатические обычаи благодаря своему посольству в Вене. Шампаньи и был назначен министром иностранных дел. В министерстве внутренних дел его сменил Крете, просвещенный и трудолюбивый член Государственного совета, в то время управляющий Французского банка. Новым управляющим Банка стал Жобер, другой член Государственного совета.

Возводя Бертье в сан вице-коннетабля, Наполеон не захотел, однако, лишиться его как начальника штаба Великой армии, на должности которого никто не мог с ним сравняться, и сохранил эту должность за ним. Но в военном министерстве Бертье заменили генералом Кларком, административные таланты которого выявились на посту губернатора Берлина. Генерал Гюллен, преданность и личную храбрость которого Наполеон мог оценить не единожды, сменил генерала Жюно, которому предстояло возглавить Португальскую армию, на посту губернатора Парижа.

Франция в то время понесла чувствительную потерю в лице министра по делам религии графа Порталиса, искусного юрисконсульта, талантливого и блестящего писателя, ученого соратника Наполеона в двух прекраснейших его творениях – Гражданском кодексе и Конкордате, сумевшего сохранять в отношениях с духовенством верную меру мягкости и строгости, чтимого французской Церковью и оказывавшего полезное влияние на нее и на Наполеона; человека, весьма достойного сожаления в ту минуту, когда Франция приближалась к

открытому разрыву с римским двором, и столь же достойного сожаления в управлении делами Церкви, как Талейран – в управлении иностранными делами. Этот трудолюбивый человек, пораженный родом слепоты, заменял недостаток зрения чудесной памятью, и ему случалось притворяться записывающим, когда Наполеон диктовал ему, чтобы затем воспроизвести его мысли и их живое выражение по памяти. Порталис стал дорог Наполеону, который весьма о нем сожалел. В министерстве по делам религии его заменил Биго де Преамене, другой юрисконсульт и соавтор Гражданского кодекса, человек не блестящего, но трезвого ума и безупречно религиозный.

Утвердив эти назначения с Камбасересом – единственным, с кем он советовался в таких обстоятельствах, – Наполеон перенес внимание на законодательство, внутреннее управление, финансы и общественные работы.

Прежде всего он позаботился ввести в Конституцию изменение, казавшееся ему необходимым, хотя само по себе оно и было весьма несущественно: он решил упразднить Трибунал. Будучи сведен к пятидесяти членам, лишен трибуны и разделен на три отделения – законодательства, внутреннего управления и финансов, – этот корпус обсуждал на закрытых заседаниях с соответствующими отделениями Государственного совета проекты законов, предлагаемые правительством, и был лишь пустой тенью. Мы уже рассказывали, как велась эта работа. После совещаний у великого канцлера член Трибунала и член Государственного совета произносили речи перед Законодательным корпусом. Затем Законодательный корпус молча голосовал за представленные проекты, за исключением некоторых весьма редких случаев, когда дело касалось материальных выгод, по вопросам о которых только и позволяли себе члены Трибунала иметь мнение, отличное от правительственного. Так, тихо и быстро, при всеобщем одобрении решались внутренние дела.

Внешние же дела, которые было самое время смело обсудить, чтобы остановить того, чей страстный гений толкнет его вскоре в бездну, решались исключительно императором и Сенатом, в весьма неравных пропорциях, разумеется. Наполеон решал дела мира и войны еще более абсолютным образом, чем императоры Древнего Рима, султаны Константинополя и русские цари, ибо у него не было ни преторианцев, ни янычар, ни стрельцов, ни улемов, ни бояр. У него были только послушные и героические солдаты, только оплачиваемое и отстраненное от дел духовенство, только новая аристократия, которую он сам создавал, жалую придуманные им титулы и состояния, доставленные его обширными завоеваниями. Время от времени император посвящал Сенат в тайну дипломатических переговоров, когда они приводили к войне. Сенат, с 1805 года получивший полномочия в отсутствие Законодательного корпуса вотировать по воинским наборам, платил за эту посвященность двумя-тремя воинскими призывами, за которые Наполеон, в свою очередь, платил блестящими бюллетенями, почерневшими и разорванными знаменами и мирными договорами, к несчастью, весьма непрочными. Слепленная славой и очарованная покоем страна, находя управление внутренними делами превосходным, а управление внешними – возведенным на небывалую высоту, желала, чтобы так продолжалось и далее, и только порой, когда французской армии случалось зимовать на Висле и биться на Немане, начинала опасаться, как бы всё это величие в самом его избытке не дошло до предела.

Таковы были формы героического деспотизма, порожденного Революцией. Изменение их не имело значения, ибо суть оставалась прежней. Но можно было исправить некоторые детали в организации послушных и зависимых корпусов, и именно это собирался сделать Наполеон в отношении Трибунала, который занимал ложное и не достойное его названия положение. Хотя Законодательный корпус и не желал большего веса, нежели тот, каким уже обладал, и был совершенно не расположен пользоваться правом голоса, даже если бы его получил, он тем не менее несколько смущался своей немоты, выставлявшей его в смешном свете. Нужно

было сделать простую вещь, которая не могла повредить свободе того времени, а именно, слить Трибунат с Законодательным корпусом, соединив в одном органе полномочия и людей. Это и решил сделать Наполеон, посоветавшись с Камбасересом. Он решил, что Трибунат будет упразднен, а его полномочия передадут Законодательному корпусу, которому возвратится таким образом право обсуждения; что при открытии каждой сессии Законодательного корпуса голосованием будут избираться три комиссии по семь членов в каждой, которые, подобно упраздненным комиссиям Трибуната, будут заниматься законодательством, внутренним управлением и финансами; что эти отделения на закрытых заседаниях с соответствующими отделениями Государственного совета продолжат обсуждение проектов законов, представляемых правительством. Кроме того, чтобы не менять существующий порядок вещей на предстоящей сессии, все труды которой были уже подготовлены, было решено обнародовать сенатус-консульт с новыми распоряжениями в день закрытия этой сессии.

Наполеону также не терпелось принять и другую меру, которую он считал куда более срочной, нежели упразднение Трибуната, а именно чистку магистратуры. Правительство Консульства, торопясь упрочить свое положение в минуту учреждения, набирало членов всяческих администраций в большой спешке, и уже вскоре ему пришлось изменить некоторые назначения. Изменения тем более заслуживали одобрения, что продиктованы были уже не политическими мотивами, но приобретенным знанием о достоинствах каждого. В магистратуре же ничего подобного не происходило по причине несменяемости ее членов, установленной конституцией Сийеса, и некоторые лица, выбранные в VIII году, при незнании людей, в спешке всеобщей реорганизации, стали со временем подавать постоянные поводы к возмущению. В то время как среди служащих правительства, помещенного под активный надзор, преобладала благопристойность и прилежность, магистратура нередко подавала досадные примеры обратного. Следовало это устранить, и Наполеон решил положить конец подобному беспорядку. Он спросил мнение Камбасереса, верховного судьи в подобных делах, чей плодотворный и трезвый ум нашел в этом случае, как во многих других, изобретательное средство, подкрепленное прочными доводами. Конституция VIII года, объявив членов судебной системы несменяемыми, подчинила их, тем не менее, общему для всех членов правительства условию, то есть занесению в избирательные списки. Тем самым она гарантировала пожизненность и несменяемость их должности лишь условно, если они будут всю жизнь заслуживать общественное уважение. Поскольку эта предосторожность исчезла вместе с избирательными списками, нужно было, сказал Камбасерес, их заменить. Для этого он предложил две меры – одну постоянную, другую временную. Первая состояла в том, чтобы считать назначения в магистратуре окончательными и несменяемыми только по истечении пяти лет и после проверки нравственных качеств и способностей магистратов опытом. Вторая состояла в том, чтобы сформировать комиссию из десяти членов и поручить ей провести смотр всей магистратуры и выявить тех ее членов, которые выказали себя недостойными отправлять правосудие. Эта изобретательная и внушающая доверие комбинация была принята Наполеоном и обращена в сенатус-консульт, который следовало представить на утверждение Сенату.

Отдав дань конституционным и административным мерам, Наполеон уделил внимание финансам. Этой сферой он был удовлетворен как никакой другой, ибо в Казначействе царило изобилие, и порядок в нем восстановился. К хорошему состоянию финансов с прошедшего года присоединилась и легкость в обслуживании Казначейства. Мы помним, что по различным причинам состояние Казначейства вызывало большие затруднения, и это породило финансовую депрессию 1805 и 1806 годов, даже при чудесных успехах кампании, окончившейся победой в Аустерлице. Но в январе 1806-го возвращение Наполеона с победой и огромным количеством металлических денег, захваченных у Австрии, возродило доверие и доставило первую помощь, в которой была великая нужда. С 1806 года операции Казначейства облегчило

новое учреждение, ставшее необходимым дополнением финансовой организации и приведшее в течение 1807 года к невиданному изобилию. *Касса обслуживания*, учрежденная в конце 1806 года, при отбытии Наполеона в Пруссию, при его возвращении в 1807 году была переполнена деньгами. Мольен не ограничился созданием одной *служебной кассы* в центре Империи, он учредил подобную ей в заальпийских департаментах. Кроме того, в Александрии была учреждена *касса перечислений*, в которую все счетоводы Лигурии, Пьемонта и французской Италии перечисляли поступавшие к ним средства и которая, в свою очередь, направляла их туда, где в них нуждались.

Ведя войну на Севере, Наполеон внимательно следил за развитием новых финансовых учреждений, и по возвращении в Париж, когда министры явились приветствовать в его лице счастливого покорителя континента, он горячо поблагодарил Мольена. Никогда не делая добра наполовину, Наполеон задумал довести до конца так называемое *освобождение Казначейства*. Новая *служебная касса*, посредством займа в 80 миллионов с плавающей процентной ставкой, была почти избавлена от необходимости прибегать к дисконтированию *облигаций* и *бонов на предъявителя*, кроме некоторых срочных случаев, когда она обращалась к Банку. Но Наполеон решил обеспечить свои ресурсы при помощи комбинации, которую задумал еще на биваках среди заснеженной Польши. Сумма *облигаций* и *бонов на предъявителя*, срок платежей по которым наступал в следующем году и которые нужно было тогда дисконтировать, доходила примерно до 124 миллионов. Правда, расход не покрывался приходом за год. Но Наполеон хотел по возможности закрывать расход в том же году. Согласно задуманному им в Польше плану, он захотел, чтобы *облигации* 1807 года, срок которых истекал в 1808 году, оставлялись на 1808 отчетный год, а *облигации* 1808 года, срок которых истекал в 1809 году, – на 1809 год, так чтобы каждый отчетный год располагал только теми ценными бумагами, срок погашения которых истекал в течение двенадцати месяцев. Но для этого нужно было в 1807 году доставить эквивалент 124 миллионам в ценных бумагах, относимых на последующие отчетные год<. Наполеон решил предоставить *служебной кассе* заем в 124 миллиона из ресурсов, которыми располагал. Перебрав различные комбинации, он решил предоставить 84 миллиона из казначейства армии, а остальные 40 миллионов – через учреждения, помещавшие свои средства в бумаги Казначейства. Располагая 84 миллионами, поступившими ей от армии, новая касса должна была действовать теперь свободнее, имея возможность просить у народа лишь 40 миллионов вместо 80, которые тот ей одалживал в 1807 году, и была избавлена в будущем от дисконтирования *облигаций* и *бонов на предъявителя*. Кроме того, Наполеон решил, что 124 миллиона *облигаций* и *бонов на предъявителя*, относимые с одного года на следующий, останутся неприкосновенными в портфеле и будут изъяты из него только в следующем году, в минуту их замещения равной суммой новых ценных бумаг.

Армейское казначейство предоставляло этот заем государственному Казначейству не на временной, а на постоянной основе, посредством одной глубокой комбинации, которая еще яснее обнаруживала, каким образом Наполеон предполагал воспользоваться плодами победы. Он предвидел, что после покрытия экстраординарных военных расходов за 1805, 1806 и 1807 годы у него останется около 300 миллионов, которые уже были частично отложены и должны были разместиться в амортизационном фонде. Из этой сокровищницы, как из чудесного источника, он предполагал извлечь не только благосостояние своих генералов, офицеров и солдат, но и процветание Империи. Прибавив к этой сумме 12–15 миллионов, которые он искусно экономил каждый год из 25 миллионов гражданского листа, а также некоторое количество земельных владений в Польше, Пруссии, Ганновере и Вестфалии, мы получим представление об огромных ресурсах, которые Наполеон приберег для обеспечения частных состояний и общественного благосостояния. Но, желая извлечь двойную пользу, он остерегался награждать генералов, офицеров и солдат денежными суммами, ибо деньги были бы вскоре растрочены теми, кого он хотел обогатить: постоянно подвергаясь смертельному риску, они желали насладиться жизнью,

пока были живы. Поэтому Наполеону было достаточно, чтобы армейское казначейство богачество процветало, а не наличными деньгами. Вследствие чего он решил, что взамен 84-х миллионов, которые он переведет в *служебную кассу*, государство предоставит армейскому казначейству на эквивалентную сумму пятипроцентные рентные обязательства. Твердо решившись не прибегать к общественным займам, он обрел таким образом в лице армейского казначейства банкира, который давал займы государству по разумной цене, не вызывая ни ажиотажа, ни обесценивания.

Финансовые меры этого года Наполеон дополнил учреждением нового бухгалтерского учета методом двойной записи, который завершил введение во французские финансы восхитительной ясности, продолжающейся до наших дней.

Новая касса, породив обязанность и заинтересованность счетоводов переводить средства в Казначейство тотчас по их получении, с неизбежной небольшой отсрочкой на местное взимание, централизацию в главных городах департаментов и отправку в Париж или в места расходов, предоставила средство точно учитывать все операции, из которых складывались сборы и переводы налогов. Мольен, уже использовавший ранее при управлении фермами простые, практичные и надежные формы ведения счетов, ввел их в употребление в амортизационном фонде в бытность его директором и в *служебной кассе* после ее учреждения. Он начал использовать метод *двойной записи*, который состоял в ведении ежедневного журнала всех операций прихода и расхода, записи о которых осуществлялись тотчас по их исполнению; в извлечении из этого журнала операций, относящихся к каждому из дебиторов или кредиторов, с которыми имели дело в течение дня, и в открытии для каждого из них отдельного счета, который наглядно показывал, сколько они должны и сколько должны им; в сведении, наконец, всех отдельных счетов в единый всеобщий счет, представлявший не что иное, как ежедневный и точный анализ отношений каждого коммерсанта со всеми другими.

Следя с помощью подобных записей за деятельностью *служебной кассы* и счетоводов и имея возможность убедиться в точности их перечислений, Мольен задался вопросом, почему бы подобную систему учета не ввести и в самом Казначействе, сделав ее единственной и обязательной. Не осмелившись тотчас изменить всю бухгалтерию Империи, он задумал ввести вторую систему учета совместно с прежней. Он учредил счетную контору под руководством опытного бухгалтера, снабдил его счетоводами, привлеченными из различных коммерческих домов, и некоторым количеством молодых людей, принадлежавших к старым династиям финансистов. Он приказал им вести методом *двойной записи* учет операций с теми генеральными сборщиками, которые, не имея намерений скрывать от Казначейства правду, искали, напротив, наилучших средств быть осведомленными. Другим – избегавшим новой системы записей без дурных намерений, а лишь из-за самой ее новизны и своего невежества – прислали молодых людей из парижской конторы для обучения новой системе. Наконец, ее сделали обязательной для тех, кого подозревали в махинациях. Понадобилось совсем немного времени, чтобы узнать, что многие счетоводы являлись должниками. Едва эта это обстоятельство открылось, стало ясно, что следует менять всю систему бухгалтерии.

Наполеон, который всегда поддерживал полезные новшества, отвергая дурные, после своего возвращения непрестанно следил за ходом этого финансового эксперимента и разрешил Мольену составить декрет для введения новой системы учета во всей Империи, начиная с 1 января 1808 года. Основную часть декрета составило точное описание сделавшихся обязательными отношений каждого счетовода со *служебной кассой*. Все сборщики, все плательщики и получатели общественных средств были отныне обязаны вести ежедневный журнал всех операций и каждые десять дней отсылать его в Казначейство, которое, сопоставляя все эти журналы друг с другом, было теперь в состоянии точно устанавливать приход и расход средств и платить и требовать только те проценты, которые оно должно или которые должны ему.

Восхищенный этим прекрасным порядком Наполеон захотел наградить министра, который его установил и которому он весьма содействовал своим одобрением и поддержкой против его корыстных противников. Он пожаловал ему одну из величайших наград, которыми награждал своих соратников, и значительной суммой для покупки имения, в котором этот министр и проводит последние годы своей жизни.

Для того чтобы управление Францией не оставляло желать лучшего, недоставало только одного учреждения. Централизованная бухгалтерия обладала чисто административной властью. Оставалось создать более высокую судебную инстанцию, то есть судебное ведомство, которое будет выверять все счета, законно увольнять счетоводов, выкупать у государства их заложенное имущество, подтверждать точность представленных счетов и придавать их ежегодному закрытию форму верховного судебного постановления. Следовало, наконец, создать Счетную палату. Наполеон часто об этом думал и по возвращении из Тильзита осуществил эту великую идею.

Раньше во Франции счетными палатами назывались счетные суды, осуществлявшие активный надзор за счетоводами и заменявшие в некоторой степени надзор, который не могло осуществлять дурно организованное в ту пору Казначейство. Они обладали полномочиями уголовного судебного органа, преследовали взяточничество, но и сами были не защищены от изъятия некоторых дел из производства пристрастным правительством, что случалось не раз, когда дело касалось богатых счетоводов, имевших высоких покровителей. Эту изначальную модель и следовало улучшить, приспособить к учреждениям, нравам и законам новых времен. После упразднения в 1789 году счетных палат осталась только счетная комиссия, правда, независимая от Казначейства, но лишенная характера, малочисленная и оставлявшая неисполненными множество счетов. Следуя склонности к единству и сообразуясь с характером нового французского управления, централизованного во всех его частях, Наполеон захотел иметь только один Счетный суд, который будет обладать равным статусом с Государственным советом и Кассационным судом. В его функции входило каждый год судить всех генеральных сборщиков и плательщиков. Он не наделялся уголовными полномочиями, ибо это означало бы смещение юрисдикции, но ему дали право ежегодно объявлять сборщиков и плательщиков, согласно их финансовому годовому отчету, свободными от долга в отношении государства и освобождать их имущество, то есть решать вопросы залога. Счетному суду также поручалось вести журналы надзора за исполнением финансовых законов, которые ежегодно должны были вручаться главе государства через архиказначея Империи.

Создание этого учреждения было полезно еще и тем, что оно предоставило почетные и прибыльные должности наиболее выдающимся членам Трибуната, которых Наполеон стремился разместить подобающим образом. Он составил новый Счетный суд из членов Счетной комиссии, которую упразднил, и членов Трибуната, который также был упразднен. Президенты палаты были назначены бывшие члены Трибуната Жард-Панвилье и Дельпьер и бывший член Счетной комиссии Бриер де Сюржи, а генеральным прокурором – бывший член Счетной комиссии Гарнье. Оставалась важная должность первого президента. Это был повод восстановить справедливость в отношении Марбуа, освобожденного в 1806 году от должности министра Казначейства за недостаток проницательности и твердости в отношениях с «Объединенными негоциантами». Наполеон был неправ, ожидая от Марбуа этих качеств и наказав его за то, что он ими не обладал. И теперь император исправил эту несправедливость, сделав его первым президентом Счетного суда, ибо Марбуа гораздо более подходил для того, чтобы быть главным финансовым судьей, нежели деятельным и дальновидным администратором.

Позабывшись о финансах Империи, Наполеон не менее деятельно позаботился об общественно-полезных работах. Занимаясь этим предметом с Крете, министром внутренних

дел, с Реньо и Монталиве, членами Государственного совета, с министрами финансов и Казначейства, он принял многочисленные решения, имевшие целью ускорить уже начатые работы и приступить к новым. Восстановление мира, предполагаемое скорейшее уменьшение общественных расходов, возможность черпать в армейском казначействе позволяли Наполеону следовать вдохновению своего созидательного гения. Были отремонтированы и поддерживались за счет Казначейства 13 400 лье дорог, образующих обширную сеть путей сообщения Империи. Наконец завершилась прокладка двух монументальных дорог через Симплон и Мон-Сени, и Наполеон приказал выделить средства на строительство дороги через Мон-Женевр. Он открыл необходимые кредиты, чтобы утроить количество рабочих бригад на прокладке дороги из Лиона к подножию Мон-Сени, удвоить их количество на дороге из Савоны в Алессандрию, связывавшей Лигурию с Пьемонтом, и утроить – на большой дороге из Майнца в Париж, которой он придавал наибольшее значение. Кроме того, Наполеон декретировал строительство не менее полезной, на его взгляд, дороги из Парижа в Везель.

Завершилось сооружение четырех мостов, еще десять мостов строились, в том числе в Роанне и Туре через Луару, в Страсбурге через Рейн, а в Авиньоне через Рону. Наполеон приказал построить мост через Сену в Севре и завершить мост через Сену в Сен-Клу – частично деревянный, мост через Скривию между Тортоной и Алессандрией и мост через Жиронду перед Бордо, который стал одним из величайших памятников Европы.

Внимание Наполеона не переставали привлекать каналы – единственное известное в то время средство сообщить сухопутным перевозкам легкость и низкую стоимость перевозок морских. Полным ходом шло строительство десяти больших каналов, которым назначалось связать меж собой все части Империи: Эско с Маасом, Маас с Рейном¹, Рейн с Соной и Роной², Эско с Соммой, Сомму с Уазой и Сенной³, Сену с Соной и Роной⁴, Сену с Луарой, Луару с Шером, море на севере Бретани с морем на юге. Некоторые каналы были спроектированы еще в семнадцатом и восемнадцатом столетиях, другие были задуманы самим Наполеоном. Так называемый Северный канал, который должен был соединить Эско и Маас и Маас и Рейн, задуманный Наполеоном и осуществимый для него одного, ибо канал присоединил к Франции пересекаемые им страны, был полностью спроектирован и намечен, началось строительство. Прокладка Сен-Кантена, наиболее сложная часть строительства канала, который должен был соединить Эско и Сомму и Сомму и Сену, была завершена и обещала скорое открытие навигации из Парижа в Амстердам. Уркский канал, уже почти заверченный, должен был привести в Париж воды Марны. Бургундский канал, задуманный и построенный в восемнадцатом веке, был давно заброшен. Наполеон приказал продолжить его часть от Дижона до Сен-Жан-де-Лон. Из двадцати двух шлюзов этой части канала одиннадцать были построены во время его правления. Таким образом вскоре могла стать возможной навигация из Дижона в Сону. На отрезке от Йонны до Тонера требовалось возвести восемнадцать шлюзов, шли работы по их сооружению. Но главная трудность этого строительства состояла в пересечении водораздельного хребта между бассейнами Сены и Соны. Предлагавшиеся до сих пор средства оказались недостаточны. Наполеон приказал возобновить на этой линии навигации исследования и как можно скорее приступить к работам. Ознакомившись с трудностями прокладки канала, соединяющего Рону с Рейном, который ему очень хотелось построить и который он разрешил назвать своим именем, Наполеон выделил на его строительство новые средства. Канал Бокера был завершен, и Наполеон приказал изучить расположение Южного канала, предполагая продолжить его до Бордо; возобновить работы на канале Бери, стремясь продолжить навигацию от

¹ Северный канал.

² Канал Наполеона, впоследствии канал Рона – Рейн.

³ Канал Сен-Кантен.

⁴ Бургундский канал.

Шера до Луары; произвести новые работы на канале Ла-Рошели и на каналах из Иль-э-Ранса, Блаве и Нанта в Брест: им назначалось пронизать во всех направлениях и сделать пригодным для навигации полуостров Бретань, а также облегчить снабжение крупных военных портов.

Наполеон справедливо полагал, что к искусственной навигации по каналам следует добавить естественную навигацию по большим и малым рекам, а для этого нужно улучшить их течение. Он приказал провести исследование восемнадцати рек, на которых, впрочем, некоторые работы были уже предприняты. Всегда последовательный в своих планах, от каналов и рек император перешел к портам. Он выделил новые средства для порта Савоны, примыкавшего к дороге из Алессандрии. Известно, какие чудеса совершались в Антверпене, в чьих обширных доках, вырытых будто по волшебству, уже стояли трехдечные корабли, принятые с верфей этого великого города: их переправляли через Эско во Флиссинген. Имея соглашение с Голландией об уступке ему Флиссингена, Наполеон приказал произвести там работы, дабы облегчить вход и выход из порта и якорную стоянку для кораблей. В Дюнкерке и Кале он выделил средства на удлинение пирсов. В Шербуре поднялся над водой большой пирс, которому назначалось формировать порт, и увенчался этот пирс батареей, которую называли *батареей Наполеона*.

Наконец, Наполеон подверг новому изучению систему крепостей Империи. Для их строительства он хотел выделять не менее 12 миллионов в год, распределяя их в зависимости от значения крепости, которое определил следующим порядком: Алессандрия, Майнц, Везель, Страсбург, Киль и т. д.

Занимаясь великими работами, Наполеон никогда не забывал о Париже, месте своего пребывания, центре правительства, его любимом городе, столице, олицетворявшей собой величие и моральное превосходство Франции над всеми нациями. Он поклялся покрыть столицу памятниками искусства и общественной значимости, оздоровить ее и придать ей всё мыслимое великолепие. Уже работали круглосуточно тридцать фонтанов, которые прежде давали воду лишь по несколько часов в день. Сооружение канала Урк позволяло непрерывно подавать воду в другие старые и новые фонтаны. В это время руками многих тысяч рабочих возводились две триумфальные арки – на площади Карусель и на площади Звезды, колонна на Вандомской площади, фасад Законодательного корпуса, церковь Мадлен, тогда называвшаяся храмом Славы. Аустерлицкий мост, перекинутый через Сену при вхождении реки в город, был завершен, а Йенский мост, перекинутый через Сену при ее выходе из города, строился, и таким образом столице Империи вскоре предстояло стоять меж двух бессмертных памятников. Наполеон декретировал строительство дворца новой Биржи и приказал подыскать для него место. Вскоре должно было начаться строительство Императорской улицы, которую он хотел построить еще в 1806 году. Кроме того, Наполеон решил соорудить длинные крытые галереи на главных рынках, чтобы дать покупателям и продавцам прибежище от непогоды; возвести четыре больших скотобойни на четырех оконечностях Парижа вместо сорока сколь нездоровых, столь и опасных боен, на которых забивали скот с давних пор; реконструировать купол хлебного рынка; построить просторные склады, способные вместить многие миллионы квинталов зерна, прямо рядом с Арсеналом, у канала Сен-Мартен, в том месте, куда подходили судоходные пути. Наполеон выделил значительные суммы на снабжение Парижа продовольствием, но решил, что мало купить зерна на двадцать миллионов франков, нужно иметь место для его складирования, и именно этой мысли обязаны своим появлением зернохранилища, существующие доныне у площади Бастилии.

В результате работ по всей Империи внутренний бюджет мгновенно подскочил с 30 миллионов до 56. Резервный фонд, заложенный в бюджет в качестве ресурса, и дополнительные суммы, которые было где взять, предполагали покрытие избыточных трат, производимых в

целях всеобщего общественного блага, но не превышающих разумной меры, несмотря на созидательный порыв главы государства. Между тем Наполеон хотел облегчить положение Казначейства и с этой целью задумал несколько комбинаций. Некоторые общественно-полезные сооружения – такие как Бургундский канал, канал Бери, дорога из Бордо в Лион – приносили и местную пользу, следовательно департаменты охотно могли пойти на расходы для скорейшего их завершения. Это была не напрасная надежда, ибо многие департаменты к тому времени уже добровольно расходовали средства для содействия этим работам. Но их решения носили временный характер и зависели от превратностей обсуждения на советах. Поэтому Наполеон решил представить закон, в силу которого участие департаментов в некоторых работах будет справедливо урегулировано и они будут обложены определенными суммами на определенное число лет. Департаменты Кот-д'Ор и Йонна должны были содействовать строительству Бургундского канала; департаменты Алье и Шер – строительству канала Бери; департаменты Роны, Луары, Пюи-де-Дом, Коррез, Дордонь и Жиронды – строительству дороги из Бордо в Лион. В среднем вклады государства и департамента делились поровну.

Наполеон задумал еще более развить этот род ресурсов. Три канала из вышеперечисленных – Эско – Рейн, Рейн – Рона, Рона – Сена – казались ему наиболее достойными внимания. Почти по соседству с ними находились три других, законченных или близких к завершению и способных приносить доход уже в недалеком будущем: это были каналы Сен-Кантен, Орлеанский и Южный. Наполеон решил завершить их как можно скорее и затем продать банкирам в форме акций, которые должны были приносить 6–7 %, притом что сам он мог представить покупателя на нереализованные. Таким покупателем стало бы, разумеется, всё то же армейское казначейство. «Эти суммы, – сказал Наполеон министру внутренних дел, – вы потратите на ускорение работ на трех каналах, которые столь важны для процветания Империи. По завершении строительства я продам их тоже. Так, перекидывая с одного предприятия на другое капитал в 300–400 миллионов, растущий за счет ежегодных поступлений от государства и департаментов, мы за несколько лет изменим *лик земли*».

Кроме того, Наполеон придавал большое значение пресечению нищенства. Чтобы добиться его уничтожения, император хотел создать ведомственные дома, в которых нищим будут предоставлены работа и хлеб и в которых их будут удерживать силой, если обнаружат просящими милостыню в общественных местах и на больших дорогах. Он требовал, чтобы дома такого рода открыли во всех департаментах в самом скором времени.

Затем Наполеон занялся реорганизацией Банка Франции, желая превратить его в один из главных инструментов общественного благополучия. Еще в 1806 году он изменил структуру Банка и придал ему монархическую форму вместо республиканской; в результате Банк получил управляющего и трех членов генерального совета, назначаемых министром финансов. Кроме того, Наполеон пожелал, чтобы капитал Банка был соразмерен назначавшейся ему роли и чтобы вместо 45 тысяч облигаций было выпущено 90 тысяч, что довело бы капитал до 90 миллионов. Новые 45 тысяч облигаций разместили с выгодой, ибо, будучи выпущенными по 1200 франков, они продавались по 1400.

Также по требованию Наполеона Банк снизил процентную ставку по вкладам до 4 %, а процентную ставку по ценным бумагам с 6 % до 5 % и с 5 % до 4 %. Подобная мера непременно обернулась бы прибылями на следующий год, если бы новые предприятия за пределами Империи не отвлекли капиталы, как и солдат Франции, от их наилучшего, надежнейшего и полезнейшего употребления.

Пугающее и печальное зрелище зимней кампании 1807 года в соединении с суровым временем года и отсутствием императорского двора ненадолго замедлили деловую активность, особенно в Париже. Но восстановление континентального мира и надежда на мир морской живо подтолкнули воображение, и повсюду на мануфактурах закипела работа, а торговые дома

принялись строить планы продаж на всей протяженности континента. Хотя товары Великобритании продолжали проникать в Европу путями, сокрытыми от Наполеона, проникали они всё же с трудом, и с еще бльшим трудом распространялись. Хлопковые нити и ткани, которые благодаря запретительным законам, выпущенным во Франции, изготовлялись с льготами, в большом количестве и с улучшением качества, заменяли английские товары того же рода, переправлялись через Рейн вслед за армиями и распространялись в Испании, Италии, Германии. Французские шелковые ткани, несравненные во все времена, наполняли рынки Европы, что вызывало в Лионе всеобщее удовлетворение. Французские сукна, с тех пор как испанской шерсти недоставало англичанам и было вдоволь во Франции, вытесняли английские сукна со всех ярмарок континента, ибо превосходили их не только качеством, но и красотой.

Вдобавок от запрета английских товаров выигрывала не только торговля. Саксония, самая промышленно развитая из германских провинций, уже отправляла уголь по Эльбе в Гамбург, сукно, изготовленное из прекрасной саксонской шерсти, – на рынки, прежде для нее закрытые, а металлы Эрцгебирге – повсюду, где недоставало американских металлов. Французские и германские изделия из железа также много выиграли от исчезновения английских и шведских железных изделий и совершенствовались на глазах.

Полагая, что хорошее законодательство, наряду с капиталами и рынками, доставит величайшее благо торговле, Наполеон приказал Камбасересу подготовить Торговый кодекс, какой и был составлен. Полностью подготовленный к возвращению Наполеона, он должен был быть представлен Законодательному корпусу на ожидавшейся краткой сессии.

Настало время Наполеону пожаловать наконец своим славным солдатам обещанные награды, которые они так верно заслужили во время двух последних кампаний. Император желал основать новую аристократию, которая будет окружать трон, содействовать его защите, способствовать блеску французского общества, не вредя общественной свободе и не попирая принципов равенства, провозглашенных Французской революцией. Опыт доказал, что аристократия вовсе не вредит свободе страны, ибо английская аристократия не менее других классов способствовала свободе Великобритании.

Наполеон воспользовался славой Тильзита, чтобы исполнить давно задуманный план учреждения дворянства. Уже в 1806 году, когда он раздавал короны своим братьям, сестрам и приемному сыну, а княжества – многим своим соратникам: Понтекорво – маршалу Бернадотту, Беневент – Талейрану, Невшатель – генерал-майору Бертье, – Наполеон объявил, что позднее узаконит порядок наследования для семей, в пользу которых создавались княжества.

Вследствие чего он постановил сенатус-консультум, что пожалованные титулы, равно как и доходы, сопровождавшие эти титулы, будут передаваться по наследству по прямой мужской линии, в противоположность системе наследования, принятой в Гражданском кодексе. Кроме того, он постановил, что сановники Империи всех степеней могут передавать старшим сыновьям титул герцога, графа или барона, сообразно достоинству отца, при условии представления доказательства некоторого дохода, треть которого должна оставаться связанной с титулом, передаваемым потомству. Эти же лица имели право учреждать титулы для своих младших сыновей, однако более низкие, чем пожалованные старшим, и по-прежнему при условии выделения из состояния доли, которая станет наследуемым сопровождением этих титулов. Так было положено начало майоратам. Великие сановники: великий электор, коннетабль, великий канцлер, архиказначей, – стали титуловаться *высочествами*. Их старшим сыновьям полагался титул *герцогов*, если отец учреждал для них майорат в 200 тысяч ливров ренты. Министрам, сенаторам, государственным советникам, президентам Законодательного корпуса, архиепископам жаловался *графский* титул, который они могли передавать сыновьям и племянникам, при условии основания майората в 30 тысяч ливров ренты. Наконец, пожизненные президенты избирательных коллегий, первые президенты, генеральные прокуроры и епископы, а также мэры

тридцати семи главных городов Империи получали *баронский* титул и могли передавать его старшим сыновьям, при условии основании майората в 15 тысяч ливров ренты. Рядовые члены Почетного легиона именовались кавалерами и передавали свой титул посредством майората в 3 тысячи ливров ренты.

И вновь перед Сенатом была поставлена задача придать законный характер новому императорскому волеизъявлению посредством сенатус-консульта, который совершенно недвусмысленно оговаривал, что эти титулы не предоставляют никаких особенных прав, не влекут никакого исключения из общего закона, не делают никакого изъятия из обязанностей и долга, возложенных на всех остальных граждан. Исключительным был только порядок наследования для пожалованных дворянством семей, которые приобретали новое величие ценой равного раздела.

Приняв эти постановления, Наполеон раздал своим товарищам по оружию часть сокровищ, собранных его гением. Пока не пожаловав Ланну, Массена, Даву, Бертье, Нею и другим титулы, которые он предполагал позаимствовать у великих событий своего правления, он хотел обеспечить их состояние. Наполеон подарил им земли, расположенные в Польше, Германии, Италии, с правом продать их и разместить вырученные суммы во Франции, а также наличные деньги для покупки домов и обстановки. Это были лишь первые дарения, ибо позднее они были удвоены, утроены и даже учетверены для некоторых. Маршал Ланн получил 328 тысяч франков дохода и миллион деньгами; маршал Даву – 410 тысяч франков дохода и 300 тысяч деньгами; маршал Массена – 183 тысячи франков дохода и 200 тысяч деньгами (позднее он стал одним из наиболее щедро вознагражденных); генерал-майор Бертье – 405 тысяч франков дохода и 500 тысяч деньгами; маршал Ней – 229 тысяч франков дохода и 300 тысяч деньгами; маршал Мортье – 198 тысяч франков дохода и 200 тысяч деньгами; маршал Ожеро – 172 тысяч франков дохода и 200 тысяч деньгами; маршал Султ – 305 тысяч франков дохода и 300 тысяч деньгами; маршал Бернадотт – 291 тысячу франков дохода и 200 тысяч деньгами. Генералы Себастиани, Виктор, Рапп, Жюно, Бертран, Лемаруа, Коленкур, Савари, Мутон, Монсей, Фриан, Сент-Илер, Удино, Лористон, Гюден, Маршан, Мармон, Дюпон, Легран, Сюше, Ларибуазьер, Луазон, Релье, Нансути, Сонжи, Шаслу и другие получили по 150, 100, 80 и 50 тысяч франков дохода и почти все – по 100 тысяч франков деньгами.

Гражданские лица также получили свою долю от этих щедрот. Великий канцлер Камбасерес и архиказначей Лебрэн получили по 200 тысяч франков дохода. Мольен, Фуше, Декре, Годен, Дарю получили по 40–50 тысяч франков дохода. Все они – и гражданские, и военные – были лишь предварительно пожалованы этими великолепными дарами в Польше, Вестфалии, Ганновере, что должно было заинтересовать их в поддержании величия Империи. Наполеон приберег для себя в Польше владения на 20 миллионов, в Ганновере – на 30, в Вестфалии – капитал, приносящий 5–6 миллионов дохода, помимо 30 миллионов в столице. Таким образом, ему было чем обогатить послуживших ему смельчаков и во что воплотить прекрасные слова, сказанные им многим из них: «Не грабьте; я дам вам больше, чем вы сможете взять, и то, что я дам вам, ничего не будет стоить ни вашей чести, ни народам, которых мы победили». И он был прав, ибо владения, которые он раздавал, являлись императорскими доменами в Италии и королевскими и великогерцогскими владениями в Пруссии, Ганновере, Вестфалии. Но эти домены, приобретенные победой, могли быть утрачены в результате поражения и, к счастью для тех, кого он столь щедро награждал, большинству предстояло получить другие пожалования во Франции.

Наградив генералов, Наполеон не забыл и офицеров с солдатами. Помимо задержанного жалования он приказал выплатить всем значительные вознаграждения. В такой форме были распределены 18 миллионов, в том числе 6 миллионов среди офицеров и 12 миллионов среди солдат. Раненые получили тройную долю. Те, кому посчастливилось участвовать в четырех великих сражениях последней войны: Аустерлице, Йене, Эйлау и Фридланде, – получили вдвое

больше остальных. К этим единовременным вознаграждениям прибавились постоянные дотации в 500 франков для солдат с ампутированными конечностями и дотации в 1000, 2000, 4000, 5000 и 10 000 франков для отличившихся, в званиях от младшего офицера до полковника. Для офицеров и генералов это было лишь первое вознаграждение, за которым позднее последовали другие, более значительные, помимо жалования Почетного легиона и пенсий по отставке, законно причитающихся им по окончании военной карьеры.

Наполеон принял и другие меры – сколь мудрые, столь и гуманные. Он приказал провести несколько армейских смотров, чтобы вывести из рядов уставших и искалеченных солдат, не оказывающих более иных услуг, кроме подбадривания молодых солдат рассказами о войне. Он приказал обеспечить им пенсию и заменить новобранцами, непрестанно повторяя, что армейское казначейство достаточно богато, чтобы платить за оказанные заслуги, но государственный бюджет недостаточно богат, чтобы платить солдатам, не годным более к строевой службе. Думая о гражданских заслугах не менее, чем о военных, он потребовал и добился изменения закона о гражданских пенсиях, который после 1789 года столько раз менялся под влиянием народных прихотей, сколько раз до этой эпохи менялись награды под влиянием прихоти королевской. Учредительное собрание установило максимальный размер гражданской пенсии в 10 тысяч франков, Конвент – в 3 тысячи, Консульство – в 6 тысяч. Наполеон пожелал определить максимальный размер пенсии, назначаемой за выдающиеся заслуги, в 20 тысяч. Эту мысль, неопасную для финансов государства и полезную для развития талантов, внушила ему смерть Порталиса, оставившего после себя вдову без всякого состояния.

Церковь, как все служители государства, получила свою долю от щедрот победителя. Наполеон постановил – по предложению Камбасереса, временно управлявшего министерством по делам религии, – что количество дополнительных церквей следует довести с 24 до 30 тысяч, дабы распространить благодеяния Церкви на все части Империи. Кроме этого, заметив, что карьера священника стала менее популярной, он предоставил 2400 стипендий мелким семинариям. Наполеон хотел дать понять Церкви, что если у него с ее главой и имеются некоторые раздоры мирского свойства, в духовном отношении он по-прежнему расположен служить ей и защищать ее.

Столь много заботясь о других, император тем не менее пошел и на меру, выгодную, казалось бы, только его личной славе. Он согласился с желанием, вызванным искренней любовью одних и угодничеством других, изменить название Гражданского кодекса и назвать его Кодексом Наполеона. Несомненно, это был тот самый случай, когда титул был заслужен, ибо Кодекс был творением Наполеона в такой же мере, как победы при Аустерлице и Йене. В Аустерлице и Йене у него были солдаты, предоставившие ему свои жизни, при составлении Кодекса у него были юрисконсультанты, предоставившие ему свои знания; но именно благодаря его воле и верности суждений великий труд был доведен до завершения. И если Юстиниан, который *сражался своими генералами и думал своими министрами*, смог дать кодексу римского права свое имя, Наполеон тем более имел право назвать своим именем кодекс французских законов. К тому же имя великого человека защищает хорошие законы в той же мере, в какой хорошие законы защищают память о великом человеке. Одновременно Наполеон написал своим братьям и сестрам, подчиненным его влиянию, обязав их ввести в действие этот кодекс справедливости и гражданского равенства в их государствах. Он предписал принять его во всей Италии, брату Луи рекомендовал принять его в Голландии, а брату Жерому – в Вестфалии. Короля Саксонии, Великого герцога Варшавского, он призвал ввести его в действие в восстановленной Польше. Кодекс уже изучали в Германии и, несмотря на отвращение, какое эта страна должна была испытывать в то время ко всему французскому, все сердца в ней откликнулись на точность, ясность и последовательность Кодекса, который к тому же восстанавливал справедливость в

семье и прекращал феодальную тиранию в ней. В Гамбурге принятия Гражданского кодекса потребовало само население, его ввели и в Данциге. Бремен и ганзейские города тоже объявили о скорейшем его принятии. Князь-примас во Франкфуртском княжестве и король Баварии в своем выросшем не так давно королевстве повелели изучить его, дабы внедрить в умы прежде внедрения в обиход. Великий герцог Баденский принял его в своем герцогстве.

Так Франция возмещала ущерб человечеству за пролитую во время войны кровь и несколько компенсировала зло, которое причинила нынешнему поколению, тем великим благом, которое обеспечила поколениям будущего.

Таковы были занятия Наполеона после возвращения из Тильзита, такова была Франция в его правление. Большинство принятых им решений не могли обойтись без содействия законодательной власти. Он не собирал ее уже более года, и ему не терпелось созвать Законодательный корпус. Сессию решили открыть 16 августа, на следующий день после Дня святого Наполеона. Пятнадцатое августа стало для Парижа и для всей Франции подлинным праздником. Все еще радовались наступлению мира, ибо едва миновал месяц, с тех пор как весть о его подписании дошла до Парижа. К радости от возвращения мира на континент присоединялась надежда на мир морской. Присутствие Наполеона в Париже уже произвело свое обычное действие. Всё пришло в движение, денег было в избытке. Богачи, только что созданные его рукой, строили элегантные дворцы и заказывали для их украшения пышную обстановку. Их жены пригоршнями швырялись золотом у торговцев роскошью. Возвещали о долгом пребывании двора в Фонтенбло, куда пригласили всё высшее общество Парижа и где ожидалось празднества, которых была лишена зима. Живо трогала сердца и национальная слава, сообщающая всеобщей радости возвышенный характер.

Шестнадцатого августа Наполеон прибыл в Законодательный корпус в окружении своих маршалов, при огромном стечении народа, и предстал перед Государственным советом, Трибуналом и членами Законодательного корпуса. Талейран, как великий вице-электор, привел к присяге вновь принятых членов Законодательного корпуса. Затем император ясным и проникновенным голосом произнес следующую речь:

«Господа представители департаментов в Законодательном корпусе, господа трибуны и члены Государственного совета!

Новые войны, новые победы, новые мирные договоры изменили политический лик Европы со времени вашей последней сессии.

Бранденбургский дом, составивший заговор против нашей независимости, правит до сих пор только благодаря искренним дружеским чувствам, внушенным мне могущественным северным императором.

На Эльбе будет править французский принц: он сумеет примирить интересы своих новых подданных со своими главными и священнейшими обязанностями.

Саксонский дом вновь обрел независимость, утраченную пятьдесят лет назад.

Народы герцогства Варшавского и города Данцига вновь обрели родину и права.

Все народы радуются безвозвратному уничтожению вредоносного влияния Англии на континент.

Франция соединилась с народами Германии законами Рейнского союза; с народами Испании, Голландии, Швейцарии и Италии – законами нашей федеративной системы. Наши новые отношения с Россией скреплены взаимным уважением обоих великих народов.

Во всем, что я сделал, я руководствовался исключительно счастьем моих народов, более дорогим мне, нежели моя собственная слава.

Я желаю мира на море. Горечь воспоминаний не повлияет на мои решения. Я не могу питать злобу к народу, ставшему игрушкой и жертвой раздирающих его партий, обманутому относительно его положения и положения его соседей.

Но какой бы исход морской войны ни был предрешен Провидением, для моих народов я всегда останусь всё тем же, и мои народы всегда будут достойны меня.

Французы, ваше поведение в то время, как ваш император был удален от вас более чем на пятьсот лье, усилило мое уважение к вам. Я ощутил гордость от того, что я первый среди вас. Вы думали обо мне все десять месяцев, что я находился вдали от вас и среди опасностей, и знаки любви, которые вы мне выказывали, постоянно возбуждали во мне самые горячие чувства. Заботы о моей безопасности трогали меня лишь в силу вашей заинтересованности в ней и ее значения для вашего будущего. Вы добрый и великий народ.

Я задумал различные меры для упрощения и усовершенствования наших учреждений.

Нация ощутила самые благоприятные последствия учреждения Почетного легиона. Я создал имперские титулы, чтобы придать новый блеск моим главным подданным, почтить выдающиеся заслуги выдающимися наградами и помешать возвращению феодальных титулов, несовместных с нашими законами.

Доклады министра финансов и министра Казначейства расскажут вам о расцвете наших финансов. Бремя поземельного налога для моих народов будет в значительной мере облегчено.

Министр внутренних дел расскажет вам о работах, начатых и завершенных. Однако гораздо важнее то, что остается сделать, ибо я хочу, чтобы в результате осуществления задуманной мной системы во всех частях Империи, даже в самых последних деревушках, возросли благоденствие граждан и стоимость земли.

Господа депутаты Законодательного корпуса, я вправе рассчитывать на вашу помощь для достижения этого великого результата».

Эта речь была выслушана с живым волнением и сопровождалась бурными рукоплесканиями. Наполеон возвратился в Тюильри в сопровождении такой же толпы, приветствуемый теми же радостными кликами.

В последующие дни были внесены законы, которые устанавливали бюджет 1807 года в 720 миллионов доходов и расходов; возвращали стране в том же 1808 году 20 миллионов поземельного налога; регулировали содействие департаментов грандиозным общественно полезным работам; учреждали Счетный суд и утверждали Торговый кодекс. На рассмотрение Сената были представлены меры, касающиеся учреждения новых титулов, чистки магистратуры, объединения Трибуната и Законодательного корпуса. По представлении законов министр внутренних дел зачитал доклад о положении дел в Империи.

Законодательный корпус без промедления приступил к работе, продолжавшейся со спокойствием и быстротой, присущими чисто формальным обсуждениям, ибо серьезный анализ предложенных законов происходил в другом месте: на совместных заседаниях Трибуната и Государственного совета. В продолжение этой короткой сессии, которая удерживала Наполеона в Париже и вынуждала откладывать отъезд в Фонтенбло, он отпраздновал бракосочетание принцессы Екатерины Вюртембергской с Жеромом. Юная принцесса, которой однажды назначалось стать примером всем супругам в невзгодах, одаренная самыми благородными достоинствами, прекрасная и величественная, гордая, как ее отец, но нежная и преданная долгу, 20 августа прибыла в замок Ренси близ Парижа, несколько взволнованная ожидавшим ее положением при дворе, блеск и могущество которого в Европе никто не отрицал, но который представляли местопребыванием грубой силы. При ней не было никого из слуг, окружавших ее с детства. Двадцать первого августа Наполеон встретил ее у подножия лестницы Тюильри. Она хотела склониться перед ним, но он заключил ее в объятия и затем представил императрице, всему двору и приглашенным в Париж депутатам нового королевства Вестфалия. На следующий день молодых супругов сочетал гражданским браком великий канцлер Камбасерес, а через день они приняли брачное благословение в часовне Тюильри от князя-примаса Карла Дальберга, привязанного к Наполеону и из благодарности прибывшего лично освятить

новую германскую монархию, основанную на севере Рейнского союза, президентом которого он являлся.

Празднества по случаю бракосочетания продолжались несколько дней, в течение которых Наполеон подготовил отъезд новобрачных в Вестфалию. Столицей королевства, состоявшего главным образом из земель великого герцога Гессенского, низложенного по причине его вероломства, был Кассель. Помимо курфюрстского Гессена, оно заключало Вестфалию и провинции, отрезанные от Пруссии слева от Эльбы, с крепостью Магдебург. Была еще надежда приобрести часть Ганновера. Титул королевства Вестфалии подходил ее географическому положению, протяженности и роли в Рейнском союзе. Наполеон послал туда в качестве временных регентов государственных советников Симеона, Беньо и Жоливе: для организации управления королевством и чтобы принц Жером получил по прибытии род учрежденного правительства, а после – мудрых советников, способных руководить его неопытностью. Его самого Наполеон проводил со следующими наставлениями:

«Брат мой, думаю, вы должны отправиться в Штутгарт, ибо приглашены туда королем Вюртемберга. Оттуда поезжайте в Кассель, со всей пышностью, к какой склонят вас надежды вашего народа. Сзовите депутатов городов, министров всех религий и посланников существующих ныне государств, сделав так, чтобы половина их была не-дворянами, а половина дворянами; и перед собранием, таким образом составленным, примите конституцию и принесите клятву ее поддерживать, а незамедлительно после того примите присягу представителей вашего народа. Три члена регентства вручат вам страну. Они составят частный совет, который оставляйте при себе столько, сколько будет необходимо. Поначалу назначьте только половину государственных советников; этого достаточно для начала работы. Позаботьтесь о том, чтобы большая их часть были недворянами, однако никто не должен заметить вашего стремления поддерживать большинство третьего сословия на всех должностях. Из этого правила следует изъять некоторые придворные должности, на которые, вследствие самой их сути, нужно призвать самые громкие имена. Но в министерствах, в советах, по возможности, в апелляционных судах и в администрации большинство должны составлять недворяне. Такое управление заденет Германию и огорчит, возможно, другой класс; но не обращайтесь на это внимания. Постарайтесь не допускать обсуждений и не давайте понять, что придаете значение возвышению третьего сословия.

Основной принцип – набирать талантливых людей отовсюду, где они есть. Здесь я набросал вам общие принципы управления. Генерал-майору я приказал передать вам командование французскими войсками, присутствующими в вашем королевстве. Помните, что вы француз, покровительствуйте им и следите за тем, чтобы они вели себя безупречно. Постепенно, по мере того как необходимость в них отпадет, отошлите губернаторов и комендантов. По моему мнению, торопиться вам не следует, и к жалобам городов, которые думают только о том, как отделаться от неудобств, причиненных войной, прислушивайтесь с осторожностью и сдержанностью. Помните, что в Баварии армия оставалась полгода, и этот добрый народ терпеливо перенес возложенное на него бремя. До января месяца вы должны успеть разделить ваше королевство на департаменты, поставить в них префектов и приступить к управлению. Для меня особенно важно, чтобы вы не откладывали введение в действие Кодекса Наполеона. Конституция бесповоротно вводит его с 1 января. Если вы задержитесь с его введением, это станет вопросом государственного права, ибо, если возникнут дела о наследовании, вы будете обременены тысячью рекламаций. Против него не преминут выдвинуть возражения, противопоставьте им ваше твердое волеизъявление. Пишите мне чаще...

Вы найдете ниже конституцию вашего королевства. Она включает условия, при которых я отказываюсь от всех моих прав победителя и от приобретенных мною прав на вашу страну. Вы должны верно ей следовать. Благополучие вашего народа для меня важно не только тем, как оно повлияет на вашу и мою славу, но и с точки зрения общей европейской системы. Не

слушайте тех, кто говорит, что ваш народ, привыкший к рабству, с неблагодарностью примет ваши благодеяния. Королевство Вестфалия более просвещено, чем в том вас хотят убедить, и ваш трон будет стоять прочно только благодаря доверию и любви населения. Народы Германии с нетерпением ждут, чтобы люди неблагородного происхождения, но имеющие дарования, обрели равные права на ваше уважение и должности; чтобы всякий род зависимости и промежуточных уз между государем и последним классом населения был полностью уничтожен. Отличительными чертами вашей монархии станут благодеяния Кодекса Наполеона, публичность процедур и учреждение судов присяжных; и если уж говорить до конца, то на их воздействие в развитии и упрочении монархии я рассчитываю более, чем на результаты самых великих побед. Ваш народ должен пользоваться свободой, равенством и благополучием, которые неведомы другим народам Германии, а ваше либеральное правление должно произвести тем или иным образом самые благотворные перемены в системе Рейнского союза и в могуществе вашей монархии. Такая манера править оградит вас от Пруссии надежнее, чем Эльба, крепости и покровительство Франции. Какой народ захочет вернуться под иго прусского произвола, изведав благодеяния мудрого и либерального правления? Народы Германии, Франции, Италии, Испании желают равенства и либеральных идей. Уже многие годы я организую дела Европы и успел убедиться, что ворчание привилегированных классов противоположно общему мнению. Будьте конституционным королем. Если разума и просвещения недостаточно, в вашем положении к этому обязывает правильная политика...»

Сессия Законодательного корпуса, хотя ей нужно было преобразовать в законы множество проектов, не могла быть долгой, ибо предварительные совещания сделали публичное обсуждение почти бессмысленным и чисто формальным. Ей хватило второй половины августа и первой половины сентября. По завершении работы обоим ассамблеям был представлен сенатус-консульт, упразднявший Трибунат и передававший полномочия его и его членов в Законодательный корпус. Его представление сопровождалось речью, в которой воздавалась честь трудам и заслугам упраздняемого корпуса. После всех этих пустых формальностей сессия закрылась, и последние труды императорского правительства обрели законный характер.

Двадцать второго сентября двор отбыл, наконец, в Фонтенбло, где ожидалось пышное празднество в течение всей осени. Наполеону хотелось полностью воспроизвести картину нравов старого двора. Он пригласил множество иностранных принцев и французских и иностранных вельмож. Днем охотились и загоняли лесных оленей. Наполеон приказал надевать охотничьи костюмы – как мужчинам, так и дамам. Он и сам облачался в охотничий наряд, извиняя в собственных глазах это ребячество мыслью о том, что соблюдение придворного этикета при новых дворах способствует их респектабельности. Вечерами знаменитые парижские актеры представляли императору шедевры Корнеля, Расина, Мольера, ибо он удостаивал своим присутствием только великие постановки, бессмертные национальные творения. И словно в честь дальнейшего воскрешения старых нравов, Наполеон оказывал некоторым придворным дамам, известным своей красотой, знаки внимания, весьма огорчавшие Жозефину и вызывавшие в отношении его особы речи куда менее серьезные, нежели те, предметом каковых он обычно являлся.

В то время как Наполеон развлекался в Фонтенбло, занимаясь одновременно множеством дел и ожидая результата переговоров России с Англией, Тильзитские договоренности озаботили все кабинеты и вызвали естественные последствия во всем мире. Португалия, принужденная объявить о своей позиции, просила Лондон позволения подчиниться воле Наполеона, однако таким способом, чтобы как можно менее навредить британской торговле и избавиться как англичан, так и самих португальцев от присутствия французской армии в Лиссабоне. Испанский двор, крайне встревоженный возможными последствиями своего изменнического

поведения в прошедшем году, отправил в Париж, как мы уже знаем, помимо посла Массерано, еще и посла чрезвычайного, Фриаса, и вдобавок секретного посланника Искуэрдо. Никому из них не удалось разгадать страшную тайну будущего Испании.

Австрия горько сожалела о своем бездействии после сражения в Эйлау и была встревожена первыми признаками согласия между императорами Франции и России. Она догадалась, что союз их – столь естественный в то время, как Франция воевала с Англией на море и с Германией на суше, и столь грозный для Европы в любое время – заключен положительно, и платой за него станут, по всей вероятности, дунайские провинции. Это бы довершило несчастья, поразившие Австрию в этом веке, ибо за последние пятнадцать лет она потеряла Нидерланды, Италию, Тироль и Швабию, оказалась отброшена за Инн, за Штирийские и Юлианские Альпы, а теперь ей предстояло увидеть, как Россия водворяется в низовьях Дуная, отрезает ее от Черного моря и окружает на востоке, в то время как Франция окружает ее на западе. Поэтому австрийские представители при всех дворах были беспокойны, подозрительны, любопытны и старались всеми средствами проникнуть в тайну Тильзита. Планы нового союза безуспешно пытались разгадать повсюду. В Константинополе их выдавали за полностью раскрытые, говорили туркам, что Франция их покинула и предала России, что они должны повернуть оружие против французов, продолжать войну против русских и помириться с англичанами, которые поддержат их.

Пруссия, пораженная своим несчастьем, мало беспокоясь о тайных договоренностях Тильзита и еще менее о том, что станет на Востоке с европейским равновесием – уже нарушенным для нее на Западе. Она думала лишь о том, чтобы добиться оставления своей территории и уменьшить военные контрибуции, на нее наложенные;

ибо в том изнурении, в каком она пребывала, любая сумма, отданная Франции, отнимала у нее ресурсы для восстановления ее армии и возможности исправить однажды свои неудачи.

Россия являла собой совершенно иное зрелище. Ее государь, искавший в союзе с французами возможности роста, способные вознаградить его за последние злключения, прилагал постоянные усилия, дабы привести к своим взглядам двор, аристократию и народ. Но поскольку Александр один поддался в Тильзите обаянию Наполеона, он не мог добиться, чтобы все так же быстро, как он сам, перешли от ярости войны к восторгам нового альянса. Он пытался убедить всех, что, завершившись сближением с Францией, события приняли наилучший оборот из возможных; что его министры, рассорив его прежде с этой державой, толкнули его на гибельный путь, с которого он свернул сколь удачно, столь и искусно; что он сам совершил только одну ошибку, поверив в силу прусской армии и лояльность Англии, но теперь он совершенно избавился от этой двойной иллюзии; что в Европе есть только две армии, достойные того, чтобы с ними считались – русская и французская; что бессмысленно сталкивать их друг с другом ради такой коварной и эгоистичной державы, как Англия, и лучше объединить силы ради мира и величия – мира, если Лондонский кабинет отречется, наконец, от своих притязаний на море, и величия, если он вынудит Европу и дальше идти по пути мучений и жертв; что в таком случае каждый должен подумать о себе и о собственных интересах, и настало время России подумать о своих. Доходя до этого пункта и не решаясь раскрыть все надежды, какие внушил ему Наполеон, и тем более признать существование секретного договора, какой он обещал хранить в строгой тайне, Александр принимал таинственный, но довольный вид, предоставляя догадываться о том, о чем он сказать не решался, хотя и испытывал сильное искушение. Говоря, например, о Турции, он открыто объявлял, что подпишет с ней перемирие, но повременит выводить войска из дунайских провинций, тем более что такая затянувшаяся оккупация не вызовет никаких вопросов в Париже.

Полупризнания скорее возбуждали нескромное и досадное любопытство, нежели привлекали умы к идеям императора Александра. Впрочем, ему помогал Румянцев, который знал всё и который прежде служил Екатерине и унаследовал ее восточные притязания. Министр,

как и его государь, твердил, что нужно набраться терпения, предоставить событиям идти своим чередом и что скоро случившийся в Тильзите политический поворот получит самое удовлетворительное объяснение.

Но к императору не всегда прислушивались и не всегда его слушались. Чуждая тайнам императорской дипломатии публика, уязвленная последними военными неудачами, выказывала весьма прискорбную недоброжелательность по отношению к французам. Вельможи, помнившие об изменчивости русской политики при Павле, начинали верить, что она станет столь же изменчивой при его сыне Александре, и опасались, как бы сближение с Францией не оказалось предвестником скорой войны с Англией, что могло поставить под угрозу их доходы, если британцы перестанут покупать их продукцию. Поэтому прибывший в Санкт-Петербург вскоре после подписания мира генерал Савари был весьма холодно встречен всеми, за исключением императора Александра и двух-трех семей, близких к государю. Прекрасно осведомленный о таком положении, Александр старался сделать пребывание генерала в Санкт-Петербурге переносимым и даже приятным, осыпал его любезностями, допускал почти каждодневно к себе, часто приглашал к столу и, опасаясь его донесений Наполеону, умолял набраться терпения, говоря, что всё изменится, когда последние впечатления изгладятся из памяти, а Франция что-нибудь сделает ради справедливых притязаний России. Савари с живой благодарностью отвечал на любезную предупредительность императора, выказывал себя довольным, вовсе не взволнованным неприятным приемом русского общества и исполненным веры в скорейшее изменение настроений. К тому же, чтобы постоять за себя, у Савари было достаточно ума, апломба и чувства необъятной национальной славы, которая позволяет французам повсюду шагать с высоко поднятой головой.

Пример императора Александра и его недвусмысленно выраженная воля открыли перед генералом Савари двери нескольких главных домов Санкт-Петербурга, но большинство знатных семей продолжали ему отказывать: властитель Александр был не властен над высшим обществом, которое испытывало совсем другое влияние. Слишком рано получив царский скипетр, государь предоставил все внешние признаки верховной власти матери, прежде времени низведенной к роли вдовствующей императрицы. Добродетельная, но надменная Мария Федоровна, утратившая со смертью Павла половину своей власти, находила утешение в нарочитой пышности императорского двора, которой пожелал окружить ее сын. Императрица-мать нежно любила сына, не вела и не терпела речей, которые могли бы его раздражить, но давала волю собственным чувствам, выказывая видимую отчужденность в отношении французов. Савари она приняла с холодной вежливостью. Тот вовсе не был задет, но постарался дать понять императору, что ни одно из этих обстоятельств от него не ускользает. Александр, не сдержавшись и опасаясь, что из-за его подчеркнутого почтения к матери адъютант Наполеона не сумеет распознать истинного властелина империи, схватил генерала за руку со словами: «Здесь нет иного государя, кроме меня. Я чту свою мать, но все покорятся мне, будьте в этом уверены! В любом случае я напомню всем, кому нужно, что такое моя власть!» Удовлетворенный тем, что довел императора до подобного признания, уколов его императорскую гордость, генерал Савари умолк, убедившись в его стремлении поддерживать новый альянс.

В самом деле, все с горячим нетерпением ждали, как поведет себя Англия. Открытый Тильзитский договор был обнародован. Все понимали, что в нем сказано не всё и что новое сближение с Францией предполагает секретные договоренности. Но из открытых статей договора стало известно, что Россия станет посредницей для Франции перед Англией, а Франция – посредницей для России перед Портой, и теперь все ожидали результатов этого двойного посредничества.

Верный своим обязательствам, император Александр, тотчас по прибытии в Санкт-Петербург, направил британскому правительству ноту с пожеланием восстановления всеоб-

щего мира и предложением посредничества в деле сближения Франции и Англии. Британский посол в Санкт-Петербурге и министр иностранных дел в Лондоне приняли ноту с холодностью, не оставлявшей больших надежд на примирение. Новые английские министры, бывшие весьма посредственными учениками Питта, не склонялись к миру. Эти новички, которым фортуна назначила позднее незаслуженную честь пожинать плоды усилий Питта, хотели отличаться от своих предшественников, а поскольку предшественники умеряли политику Питта, они стремились зайти в ней дальше него.

Они вошли в правительство в марте и могли помочь воюющим державам в апреле, мае и июне, поскольку Данциг был сдан только 26 мая. Но хотя министры и поспешили обещать экспедиции на континент, они ничего не сделали – то ли по неспособности, то ли из-за озабоченности внутренними делами, ибо им пришлось бы тогда распускать парламент и созывать новый. Как бы то ни было, собрав флот в Даунсе и сосредоточив там для высадки многочисленные войска, англичане ограничились отправкой в Штральзунд одной дивизии. При известии о Фридландском сражении и Тильзитском мире министры похолодели от страха за свою страну и за самих себя, ибо, с жаром критикуя бездействие своих предшественников, теперь сами они рисковали услышать в свой адрес куда более справедливые упреки в бездействии в течение решающих месяцев апреля, мая и июня 1807 года. Следовало любой ценой совершить вылазку, которая поразит общественное мнение, снимет с правительства упрек в бездеятельности и, полезная или бесполезная, человеческая или варварская, будет достаточно привлекательна, чтобы занять умы недовольных и напуганных.

В таком положении Англия решилась на нападение, которое было воспринято во всем мире как покушение на человечность, нападение не только гнусное, но и весьма дурно рассчитанное даже с точки зрения британских интересов. Речь идет о знаменитой экспедиции против Дании с целью силой принудить ее встать на сторону Англии. Будучи скверными подражателями Питта, английские министры захотели повторить победу над Копенгагеном, благодаря которой в 1801 году Англии удалось распустить коалицию нейтральных стран. Но когда министерство Аддингтона, вдохновляемое Питтом, атаковало Копенгаген в 1801 году, удар наносился ради уничтожения коалиции, в которую Дания открыто входила. Это были военные действия в ответ на другие военные действия – искусная в дерзости, жестокая по средствам, но необходимая операция.

В 1807 году, напротив, нападение на Данию, тщательно соблюдавшую нейтралитет, было не оправдано ничем. По несчастливой привычке остерегаться более Франции, нежели Англии, Дания всю свою армию выставила против Гольштейна, рискуя скорее столкнуться с французскими войсками, как и случилось в Любеке, нежели позволить перейти свои границы. Дипломатия Дании, как и ее армия, постоянно выказывала в отношении Франции сумрачную подозрительность. Дания вовсе не проводила, как лживо утверждали английские министры, переговоров с Россией и Францией о вступлении в новую континентальную коалицию, а напротив, заявила еще раз о намерении сохранять нейтралитет, хотя Наполеон весьма решительно побуждал ее определиться с позицией в отношении Англии. Будь английские министры полоче, они предоставили бы Наполеону возможность силой принудить Данию к союзу и послали бы флот в Каттегат, дабы при приближении французов прийти на помощь Копенгагену и стать законными хозяевами датского флота, обоих Бельтов и Зунда. Только такого дружеского поведения с готовностью прийти на помощь и следовало придерживаться в отношении Дании, когда Европа, устав от ссоры Франции и Англии, склонялась к осуждению того из противников, кто усугубит бедствия войны. Противоположное поведение вручало Данию Наполеону и избавляло его от неудобства самому осуществлять ее тираническое принуждение. К тому же захват нескольких старых кораблей без экипажей стал для англичан лишь бесплодным грабежом, тем более недалеким и гнусным, что его исполнили отвратительным способом – в результате бомбардировки мирного населения, женщин, детей и стариков.

Едва получив известие о Тильзитском мире, Сент-Джеймский кабинет, сославшись на якобы раздобытые тайными путями сведения о подчинении Дании континентальной коалиции, решил выслать в Копенгаген мощную экспедицию, чтобы завладеть датским флотом под предлогом лишения Наполеона военно-морских ресурсов Дании. Приняв такое решение, правительство без промедления отдало необходимые распоряжения. Войска и флот в Даун-се уже были готовы, оставалось поднять паруса. После неудачи у Константинополя совет адмиралтейства постановил, что всякая морская экспедиция должна предприниматься с войсками для высадки. Согласно этому решению, в Даунсе собрали 20 тысяч человек, которые вместе с отправленными в Штральзунд войсками должны были составить под стенами Копенгагена армию в 27–28 тысяч. Поскольку датские войска находились на границе с Гольштейном, решили перебросить одну морскую дивизию на оба Бельта, чтобы перекрыть проливы и помешать ей вернуться на помощь Копенгагену, затем высадить 20 тысяч человек в окрестностях столицы, окружить ее, предъявить ультиматум и, в случае отказа сдаться, бомбардировать вплоть до полного уничтожения. План нападения, основанный на отсутствии укреплений со стороны моря и на соединении всех датских войск на суше, свидетельствовал о доброй воле Дании и недостойной злонамеренности Британского кабинета.

Вот при таких обстоятельствах дошло до Лондона предложение о российском посредничестве и переговорах о сближении с Францией. Англия слишком глубоко оказалась втянутой в ожесточенные военные действия, слишком манила ее надежда на блестящую экспедицию, чтобы она стала прислушиваться к каким бы то ни было мирным предложениям. Было решено дать России уклончивый ответ, который позволил бы, не отвергая возможности сближения в будущем, в настоящее время свободно продолжить начатое предприятие. Поэтому России отправили ноту, в которой, пародируя прежний язык Питта, говорили, что совершенно готовы к миру, но он всегда проваливается из-за недобросовестности Франции, и что, не желая после стольких бесплодных переговоров угодить в новую ловушку, хотят знать, на каких основах Россия, ставшая посредницей, имеет миссию вести переговоры. Все последующие действия Англии позволили истолковать этот уклончивый ответ в самом отрицательном смысле.

Адмирал Гамбье, командующий английским флотом, и генерал-лейтенант Каткарт, командующий десантными войсками, отплыли с несколькими дивизиями в последние дни июля. Экспедиция, отправившаяся из нескольких портов Ла-Манша, состояла из 25 линейных кораблей, 40 фрегатов и 377 транспортных судов. Она везла около 20 тысяч человек и должна была подобрать еще 7–8 тысяч человек в Штральзунде. Военный флот шел впереди транспортного, дабы окружить остров Зеландию и помешать возвращению датских войск в Копенгаген. Первого августа флот был в Каттегате, 3-го – при входе в Зунд. Прежде чем войти в Зунд адмирал Гамбье отрядил дивизию фрегатов и брига с несколькими 74-пушечными кораблями, под командованием коммодора Китса. Ему предписывалось захватить оба Бельта и крейсировать в них, чтобы не позволить ни одному человеку перейти с суши на остров Фионию, а с Фионии на Зеландию. Флот прошел через Зунд, не встретив сопротивления, потому что Дания ни о чем не ведала, а Швеция знала всё, и встал на рейде Эльсинора, у крепости Кроненбург, хранившей молчание.

К королевскому принцу Дании, в то время регенту королевства [Фредерику VI], выслали с ультиматумом мистера Джексона, английского поверенного в делах во Франции до приезда лорда Витворта. Не найдя королевского принца в Копенгагене, Джексон отправился за ним в Гольштейн, в резиденцию, где пребывала в ту минуту королевская семья. Там он сослался на якобы существующие тайные договоренности, в силу которых Дания собиралась, по доброй воле или по принуждению, сделаться участницей континентальной коалиции против Англии; указал на необходимость принять меры предосторожности, чтобы военно-морские силы Дании и проход через Зунд не попали в распоряжение французов;

вследствие чего потребовал, от имени своего правительства, сдачи английской армии крепости Кроненбург, господствующей в Зунде, порта Копенгагена и, наконец, самого флота, пообещав возвратить всё это Дании, как только минует опасность. Джексон заверил, что Дания ничего не потеряет, так как британские войска будут вести себя в ней как союзники и друзья и оплатят всё, что будут потреблять.

«А чем вы заплатите за нашу потерянную честь, – отвечал возмущенный принц, – если мы согласимся на это позорное предложение?» На праведное негодование принца Джексон отвечал с наглой фамильярностью, что война есть война и нужно покориться необходимости, так как слабый должен уступить сильному. Принц отослал английского посланца, непреклонно объявив, что поедет в Копенгаген и выполнит свой долг принца и датского гражданина. Он действительно прибыл в столицу, объявил в прокламации о нависшей над страной опасности, обратился к населению с патриотическим призывом и распорядился принять к обороне все меры, какие позволяло время и внезапная осада Зеландии, ставшая уже столь плотной, что принц сам с величайшими трудностями пересек воды сначала Большого, а затем и Малого Бельта. К несчастью, средства обороны совершенно не отвечали потребностям Копенгагена, ибо в городе имелось от силы пять тысяч боеспособных человек – три тысячи линейных войск и две тысячи хорошо организованной милиции. К ним прибавилось гражданское ополчение, собравшее три-четыре тысячи горожан и студентов. Как в 1801 году, все старые корабли были поставлены на шпринг снаружи проливов, чтобы прикрыть город со стороны моря с помощью плавучих батарей. Флот, предмет любви и гордости датчан, тщательно укрыли в глубине доков и спешно возвели укрепления на суше, со всех сторон обставив их батареями тяжелой артиллерии, которой были весьма богаты датские арсеналы. Но если таких средств было довольно, чтобы помешать штурму, их было вовсе не достаточно при угрозе бомбардировки. Чтобы удерживать неприятеля на расстоянии, делающем бомбардировку невозможной, нужны были либо внешние укрепления, о возведении которых Дания, рассчитывая на островное положение своей столицы, никогда и не помышляла, либо линейная армия, которую она в силу своей лояльности разместила на сухопутной границе. Как бы то ни было, приняв все возможные меры, принц оставил доблестного генерала Пеймана комендантом Копенгагена, с приказом держать оборону до последнего. Сам же он покинул крепость и помчался в Гольштейн собирать рассеянную на границе армию, чтобы привести ее на помощь столице, если удастся перебраться через заливы.

В это время английский посланец вернулся на свой флот, предписал английской миссии покинуть Копенгаген и приказал адмиралу Гамбье и генералу Каткарту приступать к ужасающей расправе над городом, всё преступление которого состояло в обладании флотом, срочно потребовавшимся английским министрам для упрочения их положения в парламенте. Переговоры с датским правительством, необходимость дожидаться прибытия транспортных судов, отбивших за военным флотом, и ожидание благоприятного ветра отсрочили начало операции адмирала Гамбье до 15 августа. Шестнадцатого августа он подошел к побережью несколькими лье севернее Копенгагена и высадил около 20 тысяч человек, большей частью германцев, состоявших на службе у Англии. Дивизии из Штральзунда предстояло высадиться южнее, у Кьогге.

Ободренные присутствием в обоих Бельтах дивизии легкого флота коммодора Китса, англичане спокойно приступили к своему преступному нападению. Они понимали, что даже с 30 тысячами им не удастся взять приступом крепость, в которой находилось 8–9 тысяч защитников, в том числе 5 тысяч регулярных войск и множество жителей, доблестных моряков. Они рассчитывали на средства уничтожения, которыми располагали благодаря огромному количеству тяжелой артиллерии, доставленной на кораблях. Для пущей надежности они привезли даже полковника Конгрива, который должен был впервые испытать свои грозные ракеты. Потому операция состояла не в регулярных подкопных работах, а в установке нескольких прочных и надежно защищенных зажигательных батарей. Почти все стены Копенгагена обнимало

продолговатое озеро. Англичане закрепились на позиции за этим озером и начали строить зажигательные батареи, воздерживаясь от их применения до полного оснащения. Пока они трудились, с моря подошел флот, и между осажденными и осаждавшими начались весьма живые перестрелки на суше и на море. Поспешно снаряженная датская флотилия успешно защищала узкие проливы, по которым можно было приблизиться к Копенгагену, в то время как запертые в городе линейные войска предпринимали против войск генерала Каткарта частые вылазки.

Англичане ожидали прибытия второй дивизии из-под Штральзунда. Поскольку подстрекаемые ими шведы возобновили военные действия, маршал Брюн с 38-тысячной армией предпринял осаду этой крепости, со всем снаряжением, вернувшимся в распоряжение французской армии после взятия Данцига и прекращения осады Кольберга, Мариенбурга и Грауденца. Маршалу Брюну помогал генерал Шаслу, столь успешно содействовавший взятию Данцига. Этот искусный офицер, располагая теперь сразу всеми средствами, которые лишь постепенно сосредоточивались перед Данцигом, решил сделать осаду Штральзунда образцом точности, стремительности и силы. Он подготовил три атаки, одна из которых, будучи направлена на озеро Книпер, могла привести к уничтожению шведского флота. Открыв траншею одновременно во всех точках, он, несмотря на огонь из крепости, за несколько дней установил и оснастил батареи и приступил к столь грозной атаке, что неприятельский генерал, хоть и располагал 15 тысячами шведов и 7–8 тысячами англичан, был вынужден выслать парламентаря и 21 августа сдать Штральзунд.

Во время осады, проводившейся французами с достойными восхищения доблестью и искусством, генерал Каткарт подтянул к себе дивизию английских войск, помогавших шведам. Он высадил их в Кьогге, после чего Копенгаген оказался полностью окружен и генерал получил возможность безнаказанно уничтожить несчастный город. Нет ничего более законного, чем осада, и нет ничего более варварского, чем бомбардировка, если она не оправдана военной необходимостью. А какой необходимостью, кроме желания отнять флот и ограбить известный своим богатством арсенал, можно было оправдать чудовищную расправу, подготовленную англичанами!

Первого сентября генерал Каткарт, поставив батареями 69 орудий, в том числе 48 мортир и гаубиц, предъявил Копенгагену ультиматум. Он требовал, чтобы ему сдали порт, арсенал и флот, угрожая в случае отказа сжечь город и горячо настаивая, чтобы его избавили от необходимости употребить отвратительные его сердцу средства. Поскольку генерал Пейман отвечал отказом, вечером 2 сентября на несчастную столицу Дании обрушился ужасающий град снарядов, бомб и ракет. Продолжив эту жестокость в течение всей ночи 2 сентября и части следующего дня, английский генерал приостановил огонь, чтобы проверить, не готова ли сдаться крепость. Во многих кварталах начался пожар, погибли сотни несчастных, многие здания были объаты пламенем, всё трудоспособное население, заливавшее водой из Балтики горящие кварталы, валилось с ног от усталости. Генерал Пейман при этом душераздирающем зрелище хранил угрюмое молчание, словно ожидая, когда человеколюбие заглушит в нем голос чести.

Бесчувственные к стольким бедствиям, англичане вечером 3-го возобновили огонь, подерживали его всю ночь и весь следующий день, за исключением одной краткой передышки, и упорствовали в своем варварстве до утра 5 сентября. Невозможно было долее подвергать население в сто тысяч человек такой расправе. Погибли почти две тысячи мужчин, женщин, детей и стариков. Полгорода было объято пламенем, красивейшие церкви разрушены, огонь добрался до арсенала. Раненый генерал Пейман, не в силах более выносить чудовищные сцены, разворачивающиеся перед его взором, уступил, наконец, перед угрозой полного уничтожения, которую повторил английский генерал, и сдал Копенгаген его варварским покорителям. Капитуляция была подписана 7 сентября. Она предоставляла англичанам крепость Кроненбург, город Копенгаген и арсенал, с возможностью оккупировать их в течение шести недель, каковой срок

был сочтен необходимым, чтобы снарядить датский флот и увести его в Англию. Флот был сдан адмиралу Гамбье, с условием возвращения его при наступлении мира.

После подписания капитуляции английские солдаты вступили в Копенгаген, а моряки ринулись в арсенал. На глазах отчаявшихся жителей, лишившихся крова, и тысяч погибших и умирающих, которые помимо личного горя остро чувствовали несчастье страны, – ибо потеря датского флота каждому казалась крахом его собственного существования, – английские матросы, во множестве сошедшие на сушу, с невиданным зверством обрушились на арсенал. Ведомые ненавистью к европейским морякам и жадной наживы, ибо английский обычай оставлял морякам большую часть добычи, офицеры и матросы выказали необычайное рвение, спустив на воду все суда, способные держаться на плаву, какие только нашлись в Копенгагене. Шестнадцать линейных кораблей и два десятка бригов и фрегатов, годных к службе, за несколько дней были оснащены, снаряжены и выведены из доков. Разрушительный пыл английских моряков этим не ограничился. Они уничтожили два корабля, строившихся на верфях, и перетащили на борт английской и датской эскадр все деревянные изделия и боеприпасы, какие нашлись в арсенале, забрав даже инструменты рабочих и уничтожив всё, что не смогли унести. Затем половина английских экипажей была переведена на борт датских кораблей, и вся экспедиция, вместе с флотом побежденных, вышла из проливов. Проходя мимо Кроненбурга и других пунктов побережья, армада подобрала все английские войска и взяла курс к берегам Англии.

Невозможно выразить чувство, поразившее Европу после неслыханной акции, совершенной военным министерством Каннинга и Каслри, но не английским народом, сурово ее осудившим. Всеобщее возмущение охватило как друзей Франции, так и самых решительных ее врагов. Прежде говорили, что никто не может спать спокойно рядом с грозным завоевателем, порожденным Французской революцией. Теперь говорили, что Англия столь же тиранична на море, как Наполеон на суше, что она столь же коварна, как он жесток, и что рядом с ними обоими не будет ни безопасности, ни покоя ни для одной нации. Такие речи вели враги Франции в Берлине и Вене. Но все беспристрастные люди признали правоту Франции, желавшей объединить усилия народов против невыносимой морской деспотии Англии, которая не допускала иных флагов, кроме английских, не терпела иных товаров, кроме английских, и в итоге диктовала цены на все товары – как колониальные, так и собственного производства. Европе надлежало объединиться, чтобы противостоять Англии, отобрать у нее скипетр морей и вернуть на материк покой, которого он был лишен из-за нее вот уже пятнадцать лет.

Пожалуй, ничто не могло быть более желанно Наполеону. Теперь он мог не принуждать Данию, так как она сама бросится в его объятия, поможет ему закрыть Зунд и, что куда лучше нескольких старых посудин, доставит ему превосходных матросов для снаряжения бесчисленных судов, строившихся во Франции. Он мог двинуть русские армии на Швецию, а испанские – на Португалию; он даже мог требовать от Вены изгнания англичан с берегов Адриатики; наконец он мог требовать чего угодно от Санкт-Петербурга, ибо после случившегося в Копенгагене Александр уже не должен был встречать со стороны русского общества сопротивления своей политике. Если бы в ту минуту, воспользовавшись ошибкой Англии, Наполеон не совершил подобной же ошибки, он оказался бы в уникальном положении и обрел бы моральную силу, равную физической силе его армий. В самом деле, отрицательные стороны его системы *покорения моря через сушу* теперь сделались приемлемыми, ибо принуждение континентальных держав к содействию его замыслам нашло объяснение и оправдание. Если Наполеон закрывал порты морских европейских стран, вынуждая их народы обходиться без сахара и кофе и заменять эти тропические продукты дорогостоящими и далекими от совершенства европейскими подделками, и попирали всеобщие торговые интересы, то после копенгагенского преступления он получал за всё это полное и безоговорочное прощение. Но нужно было предоставить Англии возможность ошибиться и не впасть в столь же тяжкую ошибку самому, а это трудно, ибо в

ходе ожесточенной борьбы одно нередко цепляется за другое и ошибки одного вскоре уравниваются ошибками другого или даже перевешивают их.

В то же время, несмотря на осуждение всеми честными англичанами копенгагенской экспедиции, парламент объявил, что выскажется о ней позднее, когда министры смогут сказать то, о чем вынуждены пока молчать. Однако всякая мысль о мире была оставлена навсегда. Отдавая себе отчет в досадном впечатлении, произведенном на Европу его последними варварскими акциями, Сент-Джеймский кабинет предпринял попытку восстановить доверие двух главных дворов континента – Вены и Санкт-Петербурга. В Вену Англия отправила лорда Пемброка, а в Санкт-Петербург – генерала Вильсона, с некоторыми предложениями, какие обыкновенно предпочитают передавать устно, а не письменно. Вот каковы были эти предложения.

Видимое удовлетворение императора Александра по возвращении с войны, ознаменованной, однако, одними поражениями; его полупризнания о том, что великие результаты союза с Францией вскоре дадут о себе знать;

настойчивость, с какой он стремился оккупировать Молдавию и Валахию, – всё это ясно показывало тем, кто обладал хотя бы толикой проницательности, что Франция, дабы втянуть Россию в свою политику, посулила ей большие выгоды на Востоке. Поэтому Британский кабинет без колебаний пошел на жертвы, которых требовали, похоже, обстоятельства: продолжая притворяться, что защищает целостность Оттоманской империи, он решил, что лучше самому отдать России Валахию и Молдавию, чем позволить это сделать Наполеону. Вследствие чего Вильсон, военный и дипломат, человек смелый и умный, но в то время еще незначительный, получил приказ доставить императору Александру самые соблазнительные предложения. Он не был наделен явными полномочиями, но в беседе с российским посланником Алопеусом лорд Каннинг объявил, что всему сказанному Вильсоном можно верить. Лорду Пемброку, отправленному чрезвычайным послом в Австрию, было поручено разъяснить венскому двору необходимость согласиться с Россией и покориться всем жертвам, которые может повлечь за собой такая политика. На самом деле речь шла о том, чтобы склонить Австрию примириться с переходом Молдавии и Валахии в собственность России.

Лорд Гауэр (будущий лорд Гранвиль), английский посланник в России, и присланный ему в помощь Вильсон попытались убедить русский двор, что содеянное в Копенгагене не следует считать дурным, что таким образом просто изъяли вредоносные средства у общего врага Европы; что надо радоваться, а не раздражаться;

что на Россию рассчитывают в деле убеждения Дании в правильной оценке последних событий, а флот ей вернут позднее, если она захочет примкнуть к правому делу; что, не притязая на осуждение новой политики России, в Англии уверены, что она вскоре вернется к своей прежней политике как к единственно правильной; что ее не пытаются вновь подтолкнуть к войне с Францией в ту минуту, когда она так нуждается в отдыхе и восстановлении сил; что рост ее территории и могущества будет принят даже с удовольствием, ибо есть только один род досадного роста, которому надлежит всеми средствами препятствовать, – это рост Франции; и если Россия хочет получить Молдавию и Валахию, Англия согласна, лишь бы это не стало результатом раздела турецких провинций с императором Наполеоном.

Наиболее компрометирующие слова, на которые отважились лишь при возможности в случае чего от них отказаться, были сказаны Вильсоном Румянцеву, который тотчас передал их генералу Савари. Столь поспешная просьба извинить Копенгагенскую экспедицию и поручение России оправдать Англию в глазах Дании были самой оскорбительной фамильярностью в отношении России. Император с силой ощутил это и встретил предложения Англии с величайшей надменностью. На предложение оправдать перед Копенгагеном захват датского флота он отвечал категорическим требованием объяснений по этому предмету, а от лорда Гауэра потребовал тотчас высказать, и самым определенным образом, его отношение к предложению русского правительства о посредничестве. Лорд Гауэр вышел по этому случаю из состояния

привычной расслабленности и настоятельно потребовал, чтобы ему открыли тайну Тильзитских переговоров, заявив, что пока не скажут, что произошло на этой знаменитой встрече, Англия будет считать себя свободной от всяких объяснений по поводу того, что она сделала в Копенгагене. Что касается русского предложения о посредничестве, лорд Гауэр отвечал на него гордым отказом.

Таков был исход объяснений с английским посланником. Предложения Вильсона Румянцев оставил без внимания, как слова безо всякого смысла, и отослал генерала, будто не понял, что тот хотел сказать. Однако, как мы скоро увидим, он всё отлично понял.

Румянцев, бывший министр Екатерины, хранивший ответ ее славы, наследник ее обширных притязаний, великий государственный деятель, стал в данных обстоятельствах доверенным лицом Александра и всех его мечтаний. Александр назначил его министром иностранных дел и не стал отправлять послом в Париж – хотя тот обладал всеми необходимыми для этого поста качествами, – потому что хотел сохранить его при своей особе. Молодой государь и его старый министр пылко мечтали о дунайских провинциях. Финляндия – приобретение в ближайшем времени более желательное, ибо необходимое, тогда как дунайские провинции были лишь излишеством – привлекала их в куда меньшей степени. Молдавия и Валахия вели к Константинополю, который и манил их. Они приняли бы их из любых рук, но в нетерпении своих желаний судили верно о дарителе, способном дать быстро и надолго. Наполеон в этом отношении обладал всеми предпочтениями. В самом деле, от кого, как не от Наполеона, можно было в то время получить что-либо значительное? Захват любой территории в любой части европейского континента без его согласия означал войну с ним, а война с ним, каким бы числом не велась, еще не удалась никому. Если Англия и выказала сговорчивость в отношении дунайских провинций, можно ли было надеяться, что подобные расположения выкажет и Австрия? Такой дар, сделанный наперекор Австрии, мог исходить только от человека, непрестанно побеждавшего ее вот уже пятнадцать лет, то есть от Наполеона. При виде согласия императоров Франции и России никто в Европе не осмелится восстать против того, что они решат сообща.

Потому Александру следовало настойчиво продолжать начатое в Тильзите и добиться от Наполеона, сумев ему угодить, осуществления надежд, которым он с такой готовностью поддавался на берегах Немана. Цену, назначенную Наполеоном за всё, чего от него ждали, было нетрудно представить. Если война продолжится, он предпримет новые операции в Италии, Португалии и даже, возможно, в Испании. Там правили Бурбоны, составлявшие шокирующий контраст его династии, невыносимый для него. Россия ничуть не намеревалась мешать предприятиям такого рода: идеи, внедрившиеся вслед за созданными Наполеоном новыми династиями, пока еще не угрожали власти царей. России нечего было сожалеть об усилении французского влияния, если оно облегчало продвижение московских армий к Константинополю. Потому Александру не надлежало тревожиться о том, что попытается предпринять Наполеон на юге и на западе Европы; проявив снисходительность, он имел все основания надеяться, что Наполеон позволит ему предпринять на Востоке то, что захочет он.

Потому последние события лишь укрепили решимость Александра и Румянцева следовать принятой в Тильзите политике. Поскольку посредничество оборачивалось войной, из войны следовало извлечь всё, что обещал извлечь из нее Наполеон; только, чтобы связать его еще более, нужно было быть готовым исполнить его пожелания. Он, очевидно, потребует выдворения английской и шведской миссий и нападения на Финляндию, чтобы заставить Швецию закрыть Зунд. Следовало удовлетворить его по всем этим статьям, чтобы он согласился оставить русские войска в Валахии и Молдавии.

Департаментом иностранных дел у императора Александра заведовал тогда Будберг – незначительный министр и бесстрастный, безыдейный, неприятный собеседник в разговорах о предметах, оставлявших его совершенно равнодушным. Александр освободил его от долж-

ности и вверил иностранные дела Румянцеву. Бывший с императором в Тильзите Лобанов был назначен военным министром, адмирал Чичагов – морским министром. Наконец, для посольства в Париж выбрали человека, который, казалось, должен был там понравиться. Как мы сказали, более всего Александру хотелось послать туда самого Румянцева, но он предпочел оставить его при себе. Обер-гофмаршалом Александра был Толстой, вельможа весьма ему преданный, а у него был брат, генерал Толстой, человек выдающегося ума и достоинств. Александр решил, что последний, из верности своему повелителю, не станет досаждать французам, как прежде делал Морков;

что ему приятно будет связать со своим именем политику территориального роста, что ему по вкусу придется военный двор и он сам сумеет, в свою очередь, понравиться при военном дворе и повсюду следовать за ним в его быстрых передвижениях. Впрочем, окончательное назначение графа Толстого было решено согласовать с самим Наполеоном.

Генерала Савари по-прежнему окружали в Санкт-Петербурге заботы Александра и холодная вежливость высшего русского общества. Хоть и не зная поначалу всего сказанного в Тильзите и узнав обо всем лишь из последующих сообщений Наполеона, который решил осведомить его, дабы предупредить совершение им ошибок по неведению, Савари весьма быстро разгадал тайны сердец и понял, что Россия сделает всё, чего от нее захотят, ради оставления ей одной-двух провинций не на севере, а на востоке. Тотчас после известия о Копенгагенских событиях и бурных объяснений с лордом Гауэром Александр и Румянцев призвали генерала Савари и на языке, присущем каждому из них, сообщили о решениях Санкт-Петербургского кабинета.

«Как вы знаете, – говорил Александр генералу в ходе многих и весьма долгих бесед, – наши хлопоты о мире привели к войне. Этого я ожидал; но признаюсь, не ожидал ни Копенгагенской экспедиции, ни надменности британского правительства. Я принял решение и готов исполнить свои обязательства. Скажите вашему господину, что я отошлю лорда Гауэра, если Наполеон того пожелает. Кронштадт вооружен, и если англичане захотят туда сунуться, то узнают, что иметь дело с русскими совсем не то же, что с испанцами и турками. Однако я ничего не решу, пока не прибудет курьер из Парижа, ибо мы не должны нарушить расчеты Наполеона. К тому же я хочу, чтобы мой флот вернулся в русские порты прежде разрыва. Как бы то ни было, я совершенно расположен следовать поведению, более всего подходящему вашему господину. Пусть он мне даже пришлет, если ему угодно, уже составленную ноту, и я прикажу вручить ее лорду Гауэру вместе с его паспортами. Заняться Швецией я пока не в состоянии и прошу времени на реорганизацию моих полков, весьма пострадавших в последнюю войну и сильно удаленных от Финляндии, ибо нужно время, чтобы перевести их с юга на север империи. Кроме того, на этом театре мне будет недостаточно моей армии. В мелководных северных заливах используют во множество гребные флотилии. У шведов есть такая флотилия, и весьма многочисленная; моя же еще не снаряжена, а я не хочу подвергать себя риску потерпеть поражение от столь маленького государства. Поэтому скажите вашему господину, что я нападу на Швецию, как только подготовлю свои средства, на что мне понадобятся еще декабрь и январь; но в отношении англичан я готов выказать свою позицию незамедлительно. Я даже думаю, что этим мы не ограничимся и потребуем от Австрии, чтобы она примкнула, волей или неволей, к континентальной коалиции. Для этого дела я бы тоже хотел получить составленную в Париже ноту, чтобы послать ее в Вену, ибо не бывает полуальянсов, и во всем нужно действовать в полном согласии.

Я желаю, чтобы моя близость с Наполеоном была всецелой, и для этого выбрал Толстого. Если он не подходит, пусть меня предупредят, и я вышлю другого человека, ибо хочу предупредить любые неясности. Когда мы разделены расстоянием и не можем видеться, легко может зародиться недоверие. Пусть при первом же сомнении или первом же неприятном впечатлении он мне напишет или передаст словечко через вас или же через иного доверенного человека, и

всё разъяснится. Я обещаю ему полную открытость и ожидаю того же с его стороны. О, если бы мы могли видеться, как в Тильзите, каждый день, в любое время! Но теперь мы так далеки друг от друга... Однако я надеюсь вскоре его посетить. Весной я еду в Париж. Но пока нам нужно стараться договариваться через посредника и прийти, по возможности, к полному доверию. Я сам делаю что могу, но здесь у меня нет такого влияния, как у Наполеона в Париже.

Видите ли, моя страна удивлена столь резкими переменами. Она страшится бед, которых Англия может наделать в отношении ее коммерции, она сердита на вас за ваши победы. Ее интересы должны быть удовлетворены, а чувства успокоены. Присылайте к нам французских коммерсантов, закупайте у нас морское снаряжение и наши товары, а мы станем покупать парижские товары: восстановление торговли положит конец тревогам высших классов об их доходах. Но главное, помогите мне покорить всю нацию, сделав что-нибудь ради справедливых притязаний России. Ваш господин, несомненно, говорил вам о том, что произошло в Тильзите...»

Тут император выказал любопытство и беспокойство. Ему не терпелось открыться генералу Савари насчет того, что больше всего его интересовало, и в то же время он опасался проявить несдержанность, излив душу тому, кто не посвящен в суть дела. Между тем у него была новая причина искать объяснения с представителем Наполеона. Вследствие французского посредничества русские только что подписали с турками перемирие, которое оговаривало возвращение им кораблей, захваченных адмиралом Сенявиным, прекращение военных действий до весны и, наконец, вывод войск с берегов Дуная. По существу, только последнее условие и беспокоило императора Александра, но он не хотел в этом признаваться и сетовал на перемирие в целом, которое приписывал недружественному вмешательству французского посланника.

«Я и не думал о дунайских провинциях, – сказал он генералу Савари, – но ваш император, получив в Тильзите известие о падении Селима, воскликнул: *Ничего не поделаешь с этими варварами! Провидение освободило меня от обязательств перед ними; так давайте договоримся за их счет!..* И я ступил на этот путь, – продолжал император Александр, – и Румянцев вместе со мною. За нами последовала нация. Финляндия, куда вы меня толкаете, – это пустыня, обладание которой не улыбается никому и которую к тому же надо отбирать у прежнего союзника, родственника, посредством рода отступничества, которое задевает национальную порядочность и доставляет поводы врагам альянса. Поэтому нужно поискать в другом месте более привлекательные причины нашей внезапной перемены. Скажите всё это императору Наполеону, убедите его, что меня гораздо менее воодушевляет желание завладеть еще одной провинцией, нежели желание сделать прочным и приятным для моей нации альянс, от которого я ожидаю великих дел...»

Генерал Савари постарался не обескуражить Александра и справедливо заметил ему, что не может еще знать, какие великие замыслы породит продолжение войны у Наполеона, но он, разумеется, сделает всё возможное, чтобы удовлетворить своего могущественного союзника. Румянцев был менее двусмыслен, чем его государь, и рассказал Савари о предложениях генерала Вильсона и о том, какое впечатление они произвели на императора Александра, о готовности государя воспользоваться случаем и доказать свою преданность Франции, пожелав только из ее рук получить то, что он мог бы получить от Англии. Румянцев как никогда горячо выказал решительное расположение открыто выступить против Англии и Швеции, а при необходимости и против самой Австрии, дабы привести эту последнюю к *Тильзитской политике*. Так теперь стали именовать систему взаимной терпимости, обещанную друг другу в отношении того, что каждый будет предпринимать со своей стороны. Но Румянцев добавлял, что Россия должна получить эквивалент всего, что намерена позволить, хотя бы для того, чтобы сделать новый альянс более популярным и продолжительным.

Осыпая генерала Савари всеми возможными ласками, настояниями, излияниями и даже подарками, император Александр, ничего о том не сказав, приказал своей армии не оставлять дунайских провинций под тем предлогом, что перемирие не может быть ратифицировано в настоящем виде. Он и его министр повторили, что нужно не беспокоить их по поводу турок, не требовать, чтобы русские унижались перед варварами, а заняться как можно скорее территориальным урегулированием на Востоке, обменяться доверенными послами и, главное, направить в Санкт-Петербург французских закупщиков на смену закупщикам английским. В особенности Александр просил об обучении во Франции молодых дворян, призванных служить в русском флоте, которые обычно обучались в Англии, где приобретали досадные настроения; и о закупке на французских мануфактурах ружей для замены русских ружей, которые были дурного качества; добавляя, что поскольку обеим армиям теперь назначено служить общему делу, они могут обмениваться оружием. Эти любезные слова Александр сопроводил великолепным подарком – мехами для императора Наполеона, сказав, что хочет быть его *меховым поставщиком*, и повторил, что отправит Толстого, как только его кандидатура будет одобрена в Париже.

Когда Савари передал Наполеону подробности разговоров с Александром, тот почувствовал одновременно удовлетворение и замешательство, ибо убедился, что может как угодно располагать российским императором и его главным министром. Однако, поразмыслив после Тильзита на холодную голову, он начал думать, что чересчур опасно позволять гигантской империи Петра Великого делать еще один шаг к Константинополю, ибо стремительность ее роста за последний век и без того ужасала мир. Себастиани писал ему из Константинополя, что русских там ненавидят; что если бы турки имели хоть малейшую надежду найти опору в лице Франции, они сами бросились бы в ее объятия; что все части империи, годные по своему положению стать французскими, сами отдадутся Франции; что для этого следует договариваться не с Россией, а с Австрией; что соглашение с Австрией будет много выгодней и проще, независимо от того, захочет ли Франция раздела или сохранения Оттоманской империи, ибо при разделе Австрия попросит меньше, удовлетворенная тем, что Россия не получит на берегах Дуная вообще ничего, а при решении сохранить империю будет столь счастлива, что Франция получит ее содействие ценой весьма малых жертв. Все эти идеи, каждая из которых имела свою внешне привлекательную сторону, теснились в голове Наполеона, и он не хотел торопиться с вынесением решения по столь важному вопросу.

Наполеон задумал удовлетворить притязания Москвы не на Востоке, куда ее горячо влекло, а на Севере, куда ее влекло весьма слабо, и отдать русским Финляндию под предлогом выдвижения ее к Швеции. Финляндия действительно имела важное значение в свете подлинных европейских интересов, ибо если захват Молдавии и Валахии весьма тревожным образом приближал Россию к Дарданеллам, то присвоение Финляндии не менее тревожным образом приближало ее к Зунду. К несчастью, в то время как она расширялась таким достойным сожаления для будущей независимости Европы образом, в ее глазах подарок этот цены почти не имел. В реальности Наполеон давал много, но мало по видимости, а ему нужно было сделать ровно противоположное, чтобы по самой низкой цене расплатиться за новый союз, которому назначалось стать основанием всех его последующих предприятий. Он хотел верить, что удовлетворит Россию Финляндией, а решение в отношении дунайских провинций решил отложить, не разрушая, однако, надежд, которые ему надлежало поддерживать.

Ему также оказалось нелегко найти для Санкт-Петербурга подходящего посла. В конце концов он выбрал обер-шталмейстера Коленкура, профессионального военного, человека правдивого, здравомыслящего, достойного, весьма способного внушить почтение молодому императору, следовать за ним повсюду и маскировать, самой своей правдивостью, некоторое плутовство миссии, которая заключалась в том, чтобы не дать в итоге того, на что позволяли

надеяться. Наполеон просветил Коленкура о том, что произошло в Тильзите, признался, что при всех стараниях удовлетворить императора Александра он в то же время не намерен делать ему слишком опасные для Европы уступки, и рекомендовал ему приложить все усилия для сохранения союза, на котором предстояло теперь строить всю политику.

В то же время Наполеон написал Александру, благодаря его за подарки и предлагая ему, в свою очередь, свои (прекраснейший севрский фарфор); настаивая на его помощи в восстановлении мира путем принуждения к нему Англии; прося тотчас отослать из Санкт-Петербурга послов Англии и Швеции; предупреждая о том, что французская армия займет Данию в силу союзного договора, заключенного с Копенгагеном, и торопя с выдвиганием русской армии в Швецию для закрытия Зунда с обеих сторон; возвещая о вступлении многочисленных войск на испанский полуостров с целью окончательного его закрытия для англичан; заверяя, наконец, что он непричастен к заключению перемирия с Портой, ибо не одобряет его (что означало молчаливое согласие на продолжение оккупации дунайских провинций); сообщая, что ему еще требуется поразмыслить по вопросу сохранения или раздела Оттоманской империи, столь серьезному и важному для настоящего и будущего; что он предполагает углубиться в этот вопрос с Толстым и именно в ожидании его прибытия откладывает свой отъезд в Италию, куда тем не менее спешит отправиться. Кроме того, Наполеон сообщал императору и Румянцеву, что поручил министру Декре закупить в российских портах морского снаряжения на двадцать миллионов; что французский флот готов принять на обучение молодых русских дворян; и наконец, что 50 тысяч ружей наилучшей модели выделено в распоряжение императорского правительства, которое может послать за ними туда, куда ему будет угодно указать.

К несчастью, в покушении Англии на Данию Наполеон не только увидел случай расположить к себе Европу, но и нашел в нем предлог позволить себе новые предприятия. Он захотел воспользоваться продолжением войны для завершения всех задуманных им комбинаций. Без труда различая скрытое недовольство Австрии, Наполеон пожелал с ним покончить, чтобы чувствовать себя свободнее в своих действиях. Он с чрезвычайной любезностью принял в Фонтенбло брата императора Франца герцога Вюрцбургского, переходившего из одного княжества в другое и весьма желавшего сближения Австрии с Францией, дабы не страдать более от их ссор. Наполеон имел долгое и откровенное объяснение с этим государем, полностью ободрив его насчет своих намерений в отношении венского двора, у которого не хотел ничего отнимать и которому, напротив, желал вернуть крепость Браунау, оставшуюся в руках французов после вероломства, совершенного в отношении залива Каттаро. Наполеон заявил, что, поскольку залив Каттаро ему возвращен, он более не вправе и не заинтересован сохранять за собой Браунау, важную крепость на Инне, и что он просит только о сохранении военной дороги в Истрии, предоставленной ему ранее для прохода французских войск в Далмацию. Самое большее, чего он хочет, при условии согласия Вены, это небольшого спрямления границы между королевством Италия и Австрийской империей, чтобы она проходила по тальвегу⁵ Изонцо. А после этого он ничего более не потребует и расположен тщательно соблюдать букву договоров. Наполеон добавил, что в вопросах общей политики он присоединяется к России с просьбой Австрии помочь ему восстановить мир, закрыв берега Адриатики для английской торговли, ибо ужасные события в Копенгагене делают это долгом всех держав. О Турции Наполеон упомянул вскользь, не выказав склонности принимать какие-либо решения в ближайшем будущем, однако дал понять, что на Востоке ничто не должно совершаться без согласия Австрии, то есть без сохранения ее доли в том случае, если Оттоманская империя прекратит свое существование.

⁵ Линия, соединяющая самые глубокие участки долины, оврага, реки. – *Прим. ред.*

Эти чистосердечные разъяснения, с радостью принятые герцогом Вюрцбургским и переданные Вене, вызвали там подлинное облегчение. Как бы Австрия ни сожалела об упущенном случае встать между Наполеоном и Рейном, когда он двигался на Неман, теперь, когда случай миновал, она не желала большего, как оставаться в покое. Известие о том, что можно вернуть Браунау, ничего не теряя в Истрии, и что, помимо этого, ничего не затевается в ближайшее время на Востоке, доставило бы Венскому кабинету настоящую радость, если бы при сложившемся положении вещей он был на нее способен. Потому Австрия выказала склонность сделать всё, что захочет Наполеон в отношении Англии, поведение которой в Копенгагене было столь гнусно, что даже Австрия была готова во всеуслышание осудить ее. Вследствие чего Меттерниху, послу Австрии в Париже, были высланы полномочия для подписания конвенции по всем предметам, в каких желательно было согласие.

Договорились, что Австрии будет возвращена крепость Браунау, что границей австрийских и итальянских владений будет считаться тальвег Изонцо и что военная дорога через Истрию останется открытой для прохода французских войск в Далмацию. Содержавшая эти договоренности конвенция была подписана в Фонтенбло 10 октября. К письменным обязательствам присоединились устные обещания относительно Англии. Австрия не могла внезапно и решительно объявить войну своей старой союзнице, но обещала достичь желаемого результата, употребив формы, которые не лишат ее решения твердости. В действительности она поручила Штарембергу, своему послу в Лондоне, заявить об акции в Копенгагене как о преступлении, живо прочувствованном всеми нейтральными странами; потребовать ответа на предложения австрийского и российского дворов о посредничестве, сделанные в апреле и в июле, и уведомить, что если Англия в кратчайшие сроки не ответит на неоднократные мирные предложения, с ней будут вынуждены прервать все отношения и отозвать австрийского посла. К официальным декларациям Австрия присовокупила тайное заявление о том, что, будучи полностью изолированной на континенте, она неспособна противостоять объединившимся России и Франции и вынуждена уступить им; что Франция в настоящее время предлагает ей терпимые условия; что она решительно уже не может и не желает думать о войне, а Англии нужно, в свою очередь, подумать о мире, ибо в противном случае она вынудит своих лучших друзей расстаться с ней. Австрийский кабинет только и желал, чтобы Лондон принял его мирные предложения, и решил прервать дипломатические отношения с Англией в случае отказа.

Поскольку план Наполеона состоял в повсеместном переносе военных действий изнутри континента к его побережью, Пруссии он заявил, что охотно возобновит вывод войск, приостановленный из-за задержек с выплатой контрибуций, но нужно как можно скорее договориться о сумме и способе выплаты. Пруссия предложила прислать во Францию принца Вильгельма, и Наполеон подтвердил, что примет его с бесконечным почтением. Эта несчастная держава была столь ослаблена, что пожелала не только присоединиться к континентальной системе, но и заключить с Францией официальный оборонительный и наступательный союзный договор. Что касается Дании, она такой договор уже подписала, согласившись впустить французские войска на острова Фионию и Зеландию, чтобы они могли закрыть Зунд, перейти его по льду и вторгнуться в Швецию в ту минуту, когда русские начнут операции против Финляндии.

Понуждаемый событиями продолжать войну с Англией и вооруженный средствами всего континента, Наполеон задумал использовать их с присущей ему энергией и искусством. Еще до исхода Копенгагенской экспедиции, только узнав, что она направляется к Балтике, он отправил в Булонь адмирала Декре, чтобы тот осмотрел флотилию и выяснил, сможет ли она принять на борт армию, которую он хотел привести из Германии после уплаты Пруссией контрибуций. Декре спешно посетил Булонь, Вимрё, Амблетез, Кале, Дюнкерк и Антверпен и нашел флотилию в состоянии, увы, непригодном для погрузки многочисленной армии. Вырытый в Булони круговой порт занесло песком на два фута, порты Вимрё и Амблетеза – на три; через несколько

лет эти творения гения Наполеона и упорства французских солдат могли полностью исчезнуть. Большая часть судов, строившихся в спешке из сырого дерева, нуждалась в серьезном ремонте. Лишь около 300 судов из 1200–1300 были пригодны к службе, а 900 транспортных судов почти полностью вышли из строя вследствие четырехлетнего пребывания на якорной стоянке.

Голландская флотилия, частью отосланная восвояси, частью оставшаяся в Булони, пострадала меньше; но моряки были истомлены праздностью и сожалениями о более полезном применении их сил и доблести. Поэтому тотчас спустить флотилию на воду, погрузив на нее, как в 1804 году, 150 тысяч человек, было невозможно. Но через два месяца, вложив 5–6 миллионов, уничтожив пятую часть судов и отремонтировав остальные, можно было погрузить на французскую и голландскую флотилии 90 тысяч человек и 3–4 тысячи лошадей. Когда по завершении инспекции Декре вернулся в Париж, Наполеон согласился с ним в том, что экспедицию лучше разделить. Было решено отослать домой голландских моряков с их частью снаряжения, сохранить наилучшие военные суда, уничтожить остальные и отремонтировать оставшиеся, приспособив их к погрузке 60 тысяч человек. Затем предполагалось погрузить вернувшихся домой голландских матросов на флот Текселя, а французских моряков, бесполезных для флотилии, – на борт эскадры Флиссингена, обеспечив себе таким образом содействие эскадр Текселя и Флиссингена, способных перебросить 30 тысяч человек из устья Мааса к устью Темзы. Кроме того, отдельные экспедиции могли быть отправлены из Бреста и других пунктов побережья. После отдачи соответствующих распоряжений флотилия Булони, сделавшаяся более управляемой, в сочетании с эскадрами Текселя, Флиссингена, Бреста, Лорьяна, Рошфора, Кадиса, Тулона, Генуи и Таранто, заняла свое место в задуманной Наполеоном обширной системе лагерей, расположенных при крупных флотских соединениях, непрестанно грозивших Великобритании и ее колониям мощной экспедицией.

Затем Наполеон отдал приказы об экспедиции на Сицилию и полном обеспечении всем необходимым Ионических островов. Своему брату Жозефу Наполеон предписал отобрать у англичан Шилу и Реджо, оставшиеся за ними после экспедиции Сент-Эфема, и сосредоточить часть полков Неаполитанской армии вокруг Байи и Реджо, подготовив их к погрузке. Он приказал непрестанно отправлять Жозефу и принцу Евгению продовольствие, боеприпасы и новобранцев на Корфу, Кефалонию и Закинф. Наконец, дивизиям Рошфора и Кадиса Наполеон повторил приказ выйти в море и прибыть в Тулон. В Тулон же он отправил адмирала Гантома для командования флотом, которому назначалось контролировать воды Средиземного моря, завершить покорение королевства Неаполя путем захвата Сицилии и упрочить французское владычество на Ионических островах.

Занимаясь морскими позициями в Италии, Наполеон вновь поторопил Португальскую экспедицию. Номинальная численность солдат из лагерей Сен-Ло, Понтиви и Наполеона, объединенных в Байонне под командованием генерала Жюно, составляла 26 тысяч человек, действительная численность – 23 тысячи, в том числе 2 тысячи конников и 36 орудий. На соединение с ними уже выдвигалось подкрепление в 3–4 тысячи человек. Двенадцатого октября, на следующий день после подписания конвенции с Австрией, Наполеон приказал генералу Жюно перейти границу Испании, удовлетвовавшись простым уведомлением Мадрида о прохождении французских войск. Он предписал ему следовать через Бургос, Вальядолид, Саламанку, Сьюдад-Родриго, Алькантару и далее – правым берегом Тахо до Лиссабона, наказав двигаться как можно быстрее. Испания обещала присоединить к французским войскам свои собственные – для содействия экспедиции и для участия в разделе добычи. Однако, не полагаясь ни на Испанию, ни на ее войска, Наполеон подготовил вторую армию на случай, если Португалия окажет некоторое сопротивление, или, что было более вероятно, если Англия пришлет к устью Тахо силы, вернувшиеся из Копенгагенской экспедиции. В каждом из пяти резервных легионов, сменивших охранявшие побережье лагеря, уже были снаряжены по два-три батальона.

Наполеон приказал собрать их в Байонне, сформировать из них три дивизии и доукомплектовать двумя батальонами Парижской гвардии, четырьмя швейцарскими батальонами из Ренна, Булони и Марсея, третьим батальоном 5-го легкого из Шербура и первым батальоном 47-го линейного из Гренобля. Всем этим частям предстояло оставить расположения и к концу ноября прибыть, в сопровождении 40 орудий и нескольких сотен конников, в Байонну, где из них формировался корпус в 23–24 тысячи человек. Командование корпусом Наполеон поручил генералу Дюпону, одному из выдающихся дивизионных генералов того времени, которому назначалось вскоре сделаться маршалом.

Какой бы серьезный оборот ни приняли события в Португалии, этой второй армии для поддержки армии Жюно было достаточно. Она получила название Второго наблюдательного корпуса Жиронды, поскольку армия Жюно уже получила название Первого. Обеим армиям недоставало только кавалерии. Наполеон призвал бригаду в 1000 гусар из Компьеня, бригаду в 1200 егерей из Шартра, бригаду в 1500 драгун из Орлеана и бригаду в 1400 кирасир из Тура, что составило в целом 5000 всадников. Этих сил было вполне достаточно для гористых стран, в которых предстояло действовать обеим армиям. Хотя солдаты эти были молоды, Наполеон счел их способными противостоять британским войскам и более чем достаточными для победы над армиями южан, которых он не принимал тогда всерьез.

Итак, всё было готово к захвату Португалии помимо обещанной Испанией помощи. Лиссабонский двор прислал такой ответ, какого и ждал Наполеон и какой ему был нужен после копенгагенских событий, чтобы приступить к беспощадным действиям. Принц-регент Португалии, зять короля и королевы Испании, как и они, по семейной традиции и по личной склонности питал слабость к Англии. Уведомленный Лимой, своим послом в Париже, и Рейневалем, поверенным в делах Франции в Лиссабоне, о категорических требованиях Наполеона, принц-регент [Жуан VI] условился с британским правительством о том, какой линии поведения он станет придерживаться, чтобы избавить себя от вторжения французской армии и нанести как можно меньший урон интересам Англии. Через лорда Стрэнгфорда он договорился с Каннингом, что для видимости уступит требованию Франции исключить британский флаг и даже, если придется, притворно объявит войну Англии, но откажется принимать меры против английских негодяев и их собственности. Дав такой ответ, принц-регент надеялся, что Франция им удовлетворится. В случае же отказа Франции, лиссабонский двор был готов скорее пойти на крайние меры, но не на борьбу с французскими войсками (он был неспособен на такое благородное отчаяние), а на бегство за море.

Династия Браганса, состарившаяся, как и соседствующая династия испанских Бурбонов, погрязшая, как и они, в невежестве, вялости и малодушии, питала отвращение и к веку, в который происходили столь пугающие революции, и к самой земле Европы, служившей их театром. В своей постыдной мизантропии она доходила до желания удалиться в Южную Америку, территорию которой разделяла с Испанией. Льстецы ее вульгарных склонностей непрерывно нахваливали ей богатства ее заморских владений, как расхваливают богачу, которого толкают к разорению, неизвестное ему имение. Они говорили, что не стоит труда защищать от притеснителей Европы скалистый и песчаный клочок португальской земли, тогда как по ту сторону Атлантики ее ждет великолепная империя, почти такая же огромная, как вся эта жалкая Европа, которую не могут поделить меж собой миллионы жадных солдат; империя, богатая золотом, серебром и алмазами, в которой можно обрести покой, не опасаясь никаких врагов. Бежать из Португалии, предоставив англичанам и французам сколько угодно поливать своей кровью ее бесплодные берега, а португальскому народу – заботу самостоятельно защищать его независимость, если он ей еще дорожит, – таковы были постыдные планы, которыми успокаивали свои страхи регент Португалии и его семья. Потому Рейневало был дан официальный ответ, что отношения с Великобританией, хотя Португалия с трудом сможет обойтись

без нее, будут разорваны, что ей будет даже объявлена война, но приказ об аресте английских негоциантов и конфискации их собственности претит порядочности принца-регента.

Наполеон был слишком проницателен, чтоб потерпеть подобную неудачу. Он слишком ясно видел, что ответ согласован с Лондоном, что изгнание англичан будет мнимым и его главная цель, таким образом, достигнута не будет. К тому же он ничего не имел против тайных, но известных ему, планов семьи Браганса удалиться в Бразилию; ибо, к несчастью, после Копенгагенской катастрофы его мысли приняли совсем другой оборот: вторжение в Португалию имело целью уже не окончательное закрытие континентального побережья, а полный захват. Поэтому Наполеон решил захватить Португалию, договорившись лишь с Испанией и даже использовав ее, дабы ее революционизировать; ибо она ему не нравилась, она стесняла и возмущала его в ее нынешнем состоянии не менее, чем неаполитанский и лиссабонский дворы, которые он уже согнал или собирался согнать с их зашатавшихся тронов. Так было положено начало величайшим ошибкам и несчастьям этого правления. Сердце сжимается при приближении к рассказу об этих мрачных событиях, ибо они стали началом несчастий не только одного из самых необыкновенных и оболстительных людей, но и Франции, увлекаемой вместе с ее героем к ужасающему падению.

Наполеон приказал Рейневалю покинуть Лиссабон, велел вручить Лиме его паспорта, предписал Жюно ускорить движение войск и не слушать никаких предложений, под тем предлогом, что он не должен вмешиваться ни в какие переговоры и единственная его миссия состоит в том, чтобы закрыть Лиссабон для англичан. Приказав безотлагательно и безостановочно двигаться на Лиссабон, Наполеон хотел захватить португальский флот и конфисковать всё имущество англичан как в Лиссабоне, так и в Оporto. В случае бегства лиссабонского двора он хотел успеть захватить как можно больше морского снаряжения и ценностей. В том случае, если двор останется в Португалии, подчинившись требованиям, захват португальского флота и имущества англичан возместят ущерб за невозможность уничтожить дом Браганса, ибо невозможно будет строго наказать покоровшийся и безоружный двор.

Оставалось решить, как распорядиться Португалией в случае, если дом Браганса удалится в Америку. Единолично завладеть ею было недопустимо, даже для победителя, уже учредившего французские департаменты на По и собиравшегося вскоре учредить их на Тибре и Эльбе. Казалось более благоразумным отдать ее одному из принцев дома Бонапартов, еще ожидавшему своей короны; но это означало окончательное устройство Иберийского полуострова, без возможности каких-либо дальнейших комбинаций. Дело в том, что с некоторых пор разумом Наполеона начала овладевать одна роковая мысль. Согнав с трона неаполитанских Бурбонов, он часто думал, что однажды нужно будет обойтись точно так же и с Бурбонами испанскими, которые не были столь предприимчивы, чтоб нападать на него открыто, но были столь же враждебны в душе. Наполеон размышлял, сколь опасно оставлять в тылу Бурбонов – даже не для него самого, но для его преемников, которые в преемниках Карла IV встретят, возможно, качества, им самим не присущие. Он раздумывал обо всех низостях, порочности и коварстве мадридского двора (не несчастного Карла IV, но его преступной супруги и ее подлого фаворита), о состоянии этой державы, столь великой при Карле III, располагавшей тогда внушительными финансами и флотом, а ныне не имевшей ни денег, ни флота и оставившей в бездействии ресурсы, которые в других руках давно послужили бы, в соединении с ресурсами Франции, подавлению Англии. И тогда Наполеона охватывало негодование за настоящее и страх перед будущим. Он думал, что надо воспользоваться покорностью континента его замыслам, преданным содействием России, неизбежным продолжением войны, на которое обрекала Европу Англия, и той ненавистью, которую она возбудила к себе своим поведением в Дании, чтобы завершить обновление Запада, повсюду заменить Бурбонов Бонапартами, возродить благородную и великодушную испанскую нацию, уснувшую в праздности и невежестве, и

вернуть ей ее могущество, а Франции – верную и полезную союзницу вместо союзницы неверной, бесполезной и неприятной.

Эти мысли были верны, справедливы и даже осуществимы, если бы он уже не предпринял на севере больше дел, чем возможно было завершить за несколько правлений, если бы он уже не взялся за учреждение Италии, Германии, Польши! Не самым простым, но самым срочным и самым полезным из всех этих дел, после учреждения Италии, было возрождение Испании. Там хватило бы сотни тысяч солдат из четырехсот тысяч, разбросанных от Рейна до Вислы, и они нашли бы себе там наилучшее применение. Но было слишком рискованно и опасно добавлять к множеству предприятий на севере новое предприятие на юге и браться за него с едва организованными войсками! Но Наполеон так не думал. Он не знал ни одной трудности, какой бы не победил от Рейна до Немана, от Океана до Адриатики, от Юлианских Альп до Мессинского пролива и берегов Иордана. Он глубоко презирал войска южан, их офицеров и полководцев, ненамного выше ставил английские войска и полагал, что покорить испанцев будет не намного труднее, чем калабрийцев. Сомнения Наполеона вызывали не материальные, а моральные трудности, ибо он никак не мог отыскать допустимый в глазах мира предлог, чтобы обойтись с Карлом IV и его женой так же, как он уже обошелся с Каролиной Неаполитанской и ее мужем. Ведь эта династия не доставляла никакого допустимого для общественного мнения Европы повода к низложению. Как бы ни были велики могущество и слава Наполеона, он не мог, не возмутив мир, однажды заявить: Карл IV – слабоумный король, которого обманывает жена и которым вертит фаворит, унижающий и разрушающий Испанию; и я, Наполеон, в силу моего гения и моей миссии, низлагаю его ради возрождения Испании. Такую манеру действия человечество не дозволит никому.

Поэтому Наполеон не мог низложить Карла IV за его глупость и слабость, за прелюбодеяние его жены, за унижение Испании. Ему требовалось найти достаточно основательную претензию, которая сообщила бы ему право вторгнуться к соседу и переменить правящую династию. Ему нужно было предательство, подобное тому, что совершила королева Неаполя, когда после подписания договора о нейтралитете атаковала французскую армию с тыла; или же бойня, как в Вероне, когда Венецианская республика перерезала французских раненых и больных, тогда как сама армия двигалась на Вену. Наполеон мог сослаться лишь на двусмысленную прокламацию, обнародованную накануне Йены и призывавшую испанскую нацию к оружию, прокламацию, которой он притворно не придавал значения, хоть она и сопровождалась тайными переговорами с Англией, доказанными впоследствии, но отрицаемыми испанским двором.

Однако Наполеон ожидал, что внутренние распри, возмущавшие Эскориал, доставят ему наконец предлог для вторжения в страну в качестве освободителя, миротворца или, быть может, оскорбленного соседа. Но если у него была общая, систематическая идея касательно поставленной цели, он не определял для себя ни дня, ни способа действия. Он удовольствовался бы и простым семейным альянсом между двумя дворами, если бы тот обещал полное возрождение Испании, а в результате такого возрождения – искренний и полезный союз между двумя нациями. Потому Наполеон и не хотел принимать по поводу Португалии никакого окончательного решения, что оно связало бы его в отношении мадридского двора.

В то время при Наполеоне находился опасный советчик – опасный не по причине недостатка здравомыслия, а по причине недостатка любви к правде: то был Талейран, который, угадав тайную озабоченность Наполеона, влиял на него самым пагубным образом, беспрестанно увлекая его. Нет для державы лстеца более опасного, нежели впавший в немилость придворный, желающий вернуть благорасположение монарха. Талейран весьма не угодил Наполеону своей готовностью проститься с портфелем министра иностранных дел ради титула великого сановника и теперь старался ему снова понравиться, давая советы, поскольку Наполеон любил советоваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.